СЕРИЯ «ЗВОНОК ИЗ БУДУЩЕГО». ПРИКВЕЛ

СУПРОСЕСТРЫ «СИГМА»

ДЖ.Т. ЛОУРЕНС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

2021 год. Община суррогатных матерей. Культ террора. Сделка, заключенная от отчаяния.

Кеке — биопанк-журналист, которая не остановится в поисках правды. Помогут ли СурроСестрам ее неуемные амбиции или же навредят?

•

Название: СурроСестры «Сигма»
Серия: Звонок из будущего № 0,5
Автор: Дж. Т. Лоуренс
Переводчик: Arctic_penguin
Редактор и оформитель: Маргарита
Переведено для группы Dark Eternity of Translations | Натали Беннетт, 2023

Любое копирование фрагментов без указания переводчика и ссылки на группу
и использование в коммерческих целях ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд! Все права принадлежат автору.

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Глава 1
Удачливая тошнота

Джони хватается за живот и бежит к монастырской резиденции. Она пытается проглотить горькую желчь, подкатывающую к горлу, но, похоже, добежать не успеет.

Ей ни до чего вокруг. Трава, лепестки, камни: все превращается в размытые пятна цветов. Она ощущает запах ипомеи белой и компоста. Облако в форме кентавра проплывает по небу над ней. Девушка бежит мимо кованой железной беседки, по стенам которой растут душистые цветы цвета слоновой кости. Подошвы «умных» кроссовок несут ее по узкой дорожке из светлого щебня, мелкие камешки разлетаются в стороны. Нет

сомнений, что матушка позже отругает ее, но у Джони нет времени сейчас об этом думать. Обувь регистрирует высокую скорость ее передвижения и плохое сцепление с дорогой, и в наушниках слышится звуковое уведомление, которое девушка игнорирует.

Орехово-коричневый кролик с блестящими глазами и нервно подергивающимися усами перебегает ей дорогу, и Джони чуть не спотыкается об него. Она знает, что не должна бежать. Слишком высок риск упасть, особенно учитывая ее вечную неуклюжесть. Здесь бегать нельзя. А падать тем более.

Что-то розовое резко мелькнувшее внизу в кустах привлекает ее внимание, но она не останавливается, чтобы рассмотреть. Девушка отводит глаза от дорожки всего на долю секунды, но этого хватает, чтобы споткнуться и полететь вперед.

«*Нет, нет, нет, нет*».

Она падает, как в замедленной съемке. Инстинктивно выбрасывает руки вперед и царапает одеяние цвета слоновой кости и ладони о мелкие камушки, скользнув по ним, но сохранив остальные части тела от удара.

Звук скольжения по гравию и шумно вырвавшегося дыхания наполняет ее слух. Остановившись, она встает, кладет ободранные руки на живот и сдается перед ужасным приступом тошноты.

Внутри все переворачивается, и рот заполняет вонючая жидкость. Слишком поздно. Она понимает, что бежать дальше смысла уже нет. Лучше остановиться и воспользоваться бумажным пакетом, который она, конечно же, забыла взять с собой. Вместо него сгодилось бы ведро или урна. Однажды она воспользовалась любимой желтой кофейной чашкой матушки Блейк. Воспоминание об этом до сих пор вызывает у нее стыд, хоть даже после она отмывала ее дочиста с отбеливателем и стальной мочалкой, пока не изранила все руки. Она все еще дико краснеет, когда видит, как Блейк пьет из той чашки, и думает, что лучше бы выкрасть чашку и разбить ее, чтобы не испытывать муки совести каждый день.

Смешно, да и только. Она почти улыбается. Боится какой-то чашки.

Затем ей не до смеха, когда желудок сжимается, и рвота льется из ее рта, как нефть на вышке в удачный день. Джони склоняется над идеально подстриженной изгородью из бирючины и поливает землю своим желудочным соком. Не то чтобы в ее желудке что-то было: в основном вода и несколько имбирных вафель, которые Солан, матриарх СурроСестер, заставила ее съесть этим утром, обещая, что ароматный корень поможет от

тошноты. Джони не хотела их есть, не могла заставить себя съесть ни крошки, но с Солан спорить никто не смеет, тем более в общей столовой, где ты у всех на глазах. Джони стояла у своего столика как непокорный малыш, жующий острые крекеры, пока Матриарх побуждала ее продолжать. Другие СурроСестры ободряюще улыбались, несмотря на то, что завидовали ее положению.

К счастью, небольшие кругляши быстро исчезли, даже в пересохшем рту, после этого Джони даровали прогулку по территории монастыря. Свежий воздух и легкие упражнения: такой, по крайней мере, была задумка. Джони снова рвет, в этот раз едкая жидкость льется даже из носа. Стоя согнувшись пополам, она открывает глаза: ее белое одеяние порвано и испачкано из-за падения, а поверх грязи виднеются отпечатки окровавленных рук, как в фильме ужасов. Она заставляет себя выпрямиться и глубоко дышит. Ее ладони жжет, будто она трогала горящие угли.

Почему никто не сказал ей, что будет так тяжело?

«Будет весело», — говорили они.

Тыльной стороной ладони Джони вытирает губы и нос, тихо приговаривая.

— Это будет приключение. Ты спасаешь будущее! Это самая почетная работа в стране!

Она поднимает свою медную брошь с буквами «СС», упавшую на изумрудную траву, и дрожащими пальцами возвращает на место над своим сердцем. Проглатывает следующую волну желчи, и в этот раз ей это удается. Худшее позади, пока что.

В некотором смысле это все правда, привилегии прекрасны, но, когда тебе плохо в течение долгого времени… ну, никакие деньги и уважение не могут помочь тебе почувствовать себя человеком. Тело опухло, с эмоциями творится черти что, а во рту словно дьявольская пустыня.

Осторожно, Джони возвращается к беседке. Она может воспользоваться там фонтаном, чтобы прополоскать рот и промыть царапины, а затем пойдет к матушке за пластырями с антисептиком и нагоняем. Мысли о прохладной чистой воде несут ее ноги вперед. «Умные» кроссовки загораются зеленым: сейчас они довольны скоростью ее шага.

Мы определенно живем в будущем, ведь даже кроссовки способны следить за твоим здоровьем.

Она снова замечает, как нечто розовое мелькает перед ее взором, и в этот раз останавливается, чтобы посмотреть получше.

О!

Похоже, ее удача вернулась. У основания изгороди, устроившись среди россыпи мексиканских ромашек, лежит

большое пасхальное яйцо, вероятно, оставленное после весенней охоты в Воскресенье. Пасху здесь всегда отмечают с размахом. Не христианскую Пасху, а первоначальную языческую Пасху. Празднуют рождение новой жизни и приход весны в северном полушарии. Даже вечно угрюмая матушка Блейк прониклась духом праздника, надела венок из цветов ромашки и бросилась в погоню за шоколадными яйцами, повеселив сестер.

Полое сладкое яйцо размером со страусиное, покрыто сахаром нежно-розового цвета и винтажным ванильным кружевом. Аромат клубничного мороженого едва уловим, но возвращает девушку в памяти ко времени, когда она была ребенком. Джони вспоминает тявкающего черного пуделя и скрипучую кушетку. Как сидела на коленях матери, пока та вязала лоскутное одеяло для местного детского приюта. Тогда они все еще существовали. Большинство из школьных друзей Джони даже не знают теперь такого слова. Девушка вдыхает успокаивающий запах глубоко в легкие. Почему запах может пробудить столько воспоминаний?

Джони держит хрупкое яйцо в своих ободранных, кровоточащих ладонях, как с трудом добытый приз. Драгоценный дар Вселенной, знаменующий, что все будет в порядке. Удачливая тошнота пройдет, она сможет закончить свою работу и вернуться домой. Ее жизнь будет (относительно) нормальной снова.

Кроме того, что теперь считается нормальным? 2021 год упадка, несмотря на то, в чем уверяет ООН. Бесконечная засуха, неодолимая коррупция в корпорациях, супербактерия, суицидальная болезнь. И, конечно же, причина, по которой девушка живет в этой странной закрытой общине: опустошительный кризис бесплодия. Когда ее гиперзаботливые родители сказали ей, что девушке безопаснее будет жить в монастыре, а не дома, она взбунтовалась, обвинила их в том, что они хотят избавиться от нее. Но когда девушка мельком замечает новостные заголовки на «Тайл» матушки Блейк или краем уха слышит, о чем шепчутся девушки по ночам, понимает, что родители были правы, предложив ее кандидатуру в качестве добровольца для СурроСестер.

Даже если бы у нее был аппетит, Джони решает, что пасхальное яйцо слишком красивое, чтобы его есть. Рассмотрев его изысканное убранство, она замечает шов: его можно открыть. Внутри окажется сюрприз. Девушка разрывается между желанием выпить воды и открыть яйцо. Не успев прийти к решению, она поворачивает яйцо. Когда оно открывается, внутри девушка замечает пару проводов, подсоединенных к какой-то батарее и чему-то похожему на силиконовую глину, а затем раздается

громкий взрыв, ударяющий Джони в грудь и подбородок, и отбрасывающий ее на спину. Последняя мысль Джони, лежащей на траве со звоном в ушах, что она слишком молода, что ее жизнь была коротка… и что Солан этому не обрадуется. Вот тебе и везение.

Засуха, преступность, суициды и пасхальное яйцо.

Сколько всего может убить.

Она наблюдает за облаком в форме кентавра, натягивающим стрелу, а затем в глазах темнеет.

Глава 2

Обыск

У Кеке есть миссия. Пять минут назад она получила анонимную наводку на громкую историю и хочет прибыть первой на место. Но перед этим ей нужно кое с кем увидеться. Нина, ее мотоцикл, мурлычет между бедер, посылая теплые вибрации по телу. Здания мелькают на периферии зрения, пока девушка ловко маневрирует влево и вправо в хорошо отточенном медленном танце, обгоняет солнечные скутеры, ямы и непредсказуемые общественные такси. Дорога исходит серебристым жаром. Кеке останавливается на красный свет. Рядом с ней останавливается полицейский Хаммер, окно опускается.

Разносчики подбегают к остановившимся машинам, просовывают истекающие конденсатом бутылки «Гидра» в открытые окна, разбрызгивают грязную пену на лобовые стекла и демонстрируют свои дешевые разноцветные товары.

— Куда-то спешишь? — спрашивает коп, сидящий на пассажирском сидении.

Кекелетсо поворачивает голову, чтобы посмотреть на него, и видит свое отражение в блестящих черных пуленепробиваемых стеклах. Она видит то, что видит: сильные, облаченные в змеиную кожу ноги, обнимающие байк, угольного цвета кевларовый жилет, спроектированный таким образом, чтобы продемонстрировать ее темнокожую грудь, и яркие лучи солнца, сверкающие на кошачьих ушках ее шлема «Неко». К груди полицейского прикреплена полицейская электрическая дубинка, а на губах играет дерьмовая ухмылка. Кеке знает, что ей лучше ответить ему, или же она рискует быть остановленной на обыск или еще хуже полную проверку правонарушений, что ей совсем не улыбается. У нее нет на это времени.

— Я с тобой говорю, — предупреждает коп, в этот раз в его словах проскальзывает неоново-зеленый яд.

Кеке знает, что лучше ответить, но переводит взгляд вперед и смотрит на огни светофора — упрямо горит красный — и взводит двигатель.

— Эй! — говорит коп. — Я с тобой разговариваю!

Светофор загорается зеленым. Разносчики свистят и отскакивают от машин. Кеке поворачивает правую ручку вперед. Ее байк на полном ходу пролетает перекресток, едва разминувшись с проехавшим на красный свет тук-туком. Кеке пробирается сквозь загромождения в следующем квартале, а затем оставляет Хаммер глотать пыль…

«Прощайте, козлы!»

Она снова расслабляется на плавных изгибах своего байка. Шлем «Неко» обдувает ее лицо прохладным очищенным воздухом, и девушка глубоко вдыхает его, с ревом проносясь по шоссе.

Кеке отследила пиксель Кирстен в мегасупермаркете в Ривонии, вот только не понимает, как та там оказалась. Ее лучшая подруга обычно избегает торговые центры из-за супербактерии. Она не понимает, почему идиоты с удовольствием проводят время, вдыхая с другими людьми один воздух в залитых флуоресцентным светом комнатах капитализма.

Потому что, по мнению Кеке, хотят прикупить что-нибудь. У нее нет проблем с тем, чтобы спустить денежки, бродя по светлым полам торговых центров. Как еще бы она нашла эти леггинсы из змеиной кожи?

«Онлайн», — отвечает Кирстен в ее голове.

«Это другое», — возражает Кеке, а затем прекращает диалог, потому что есть лишь одна вещь, которая абсурднее споров с лучшей подругой, это спорить с фантомом своей лучшей подруги как раз перед тем, как ты собираешься увидеть ее в реальной жизни.

Кеке заезжает на просторную парковку в западной зоне, близко расположенную к источнику сигнала от пикселя Кирстен, и останавливается в узком стояночном месте с медленно вращающейся голограммой двух колес. Голограмма исчезает, когда датчик регистрирует появление ее байка. Кеке идет к входу и проходит мимо двух покупателей, что нагружены пакетами, включая мужчину в говорящей футболке, которая выкрикивает: «Не пейте воду!» и заставляет Кеке подпрыгнуть.

Она снимает свой шлем и входит в мрачный коридор пешеходной зоны роллердрома с его резиновыми полами. Тут пахнет грязными носками, старым попкорном, пролитой «Синнаколой» и розовой жвачкой. Африканский поп мараби ревет в аудиосистеме, а таз Кеке все еще гудит после поездки на байке, придавая пружинистости ее шагу.

Кеке узнает Кирстен со спины: она узнает эти шикарные красные волосы, где угодно, подкрадывается к ней сзади.

— Что такая красивая девушка как ты делает в таком месте как это?

Кирстен подскакивает и разворачивается кругом, держа огромную камеру в руках.

— Боже, котенок! Поосторожнее с этой штукой! — Кеке насмешливо поднимает руки, словно защищаясь. — Ты чуть не снесла мне голову!

Кирстен хихикает.

— Кекс! Что ты здесь делаешь?

Они обнимаются, пока прогуливающие школу ученики летают по роллердрому на лазерных коньках, парящих досках, воздушных скейтах и роликовых коньках. Дети смеются, кричат и красуются друг перед другом умениями.

— Я приехала за тобой.

Кеке поднимает выше запасной надувной шлем.

— У меня работа в разгаре, — возражает Кирстен. — Я делаю снимки роллердрома.

Кеке закатывает глаза.

— Когда ты успела стать такой занудой?

— Чего? — возмущается Кирстен.

— Ничего. Ты не захочешь пропустить такую историю. Мое паучье чутье подсказывает, что это будет крутая новость. Даже топовая. Хочешь присоединиться?

Кирстен хлопает ресницами, глядя на нее, и думает. Взвешивает в уме хороший жирный чек от мафии торгового центра за сегодняшнюю легкую подработку и погоню за предполагаемой историей с Кеке без каких-либо гарантий оплаты, кроме как, вероятно, гарантии записи о новом правонарушении в личном файле.

— Поехали, — уговаривает Кеке, вперившись в Кирстен взглядом своих фиалковых глаз. — Ты же хочешь.

***

— Что ты делаешь? — шепчет Кирстен, когда Кеке ведет ее к черному входу в здание клиники, лечащей бесплодие. Они припарковали байк вниз по дороге у бара с псевдосуши.

— Через парадный они нас не пустят, — замечает Кеке. — Охрана в этой клинике крепче, чем киска у стриптизерши-девственницы.

— Ха, — произносит Кирстен. — А ты прямо много знаешь о девственницах?

— Меньше, чем о стриптизершах.

— Я так и думала.

— Может быть, ты права, — говорит Кеке, — но дело в том, что твой ДНК-код внесен в реестр доступа в здание, а я не знаю никого, кто мог бы его взломать.

— Из-за сжатых сроков?

— Нет, потому что его не взломать.

— Но… ты уверена, что мы сможем без труда войти через черный ход.

— Это единственный путь. Сегодня мы сделаем все по старинке.

Они стоят в тени деревьев и наблюдают за тем, как прибывает электрофургон доставки и быстро исчезает в прохладном темном интерьере подземной парковки. Затем тук-тук с холодильной камерой с результатом лабораторных анализов, курьер на «Веспа Эйр» и красивый темно-синий лимузин.

Когда прибывает фургон доставки «Бильхен» — свежие продукты, суперЕда, суперБыстро! — Кеке бросает взгляд на охранника, который кричит что-то дружеское, но неразличимое водителю и подходит, чтобы изучить накладную. Кеке хватает Кирстен за руку.

— Сейчас, — говорит она, и они быстро перебегают на другую сторону грузовика.

Звук работающего двигателя маскирует шум их быстрых шагов по раскаленному асфальту, и они проскальзывают незамеченными в густую тень подвала в здании. Грузовик продолжает движение к служебного входу, пока Кирстен идет следом за Кеке через длинный ряд припаркованных автомобилей: мегароскошные седаны стоят рядом со старыми развалюхами и байками курьеров. Здесь очень много камер.

Они, запыхавшись, добираются до голубого куба станции лифта и несколько раз нажимают кнопку со стрелочкой вверх, чтобы вызвать лифт, но кнопка не зажигается. Кеке предполагает, что кнопка биометрическая, и пинает стену.

— Нам придется подождать, пока кто-нибудь не придет, — говорит Кирстен, — и скользнуть следом за ними.

Кеке обводит взглядом нижний этаж.

— У нас нет времени. Если одна из этих камер нас заснимет, нас отправят в участок. У нас пара минут, максимум.

Кирстен нервничает, теребит волосы и прокручивает кольцо на пальце.

— Может, нам просто стоит уйти.

Что, по мнению Кеке, она только что сказала: мне не следовало отправляться на охоту за этими подонками с тобой. Я должна была расслабляться на роллердроме с «Синнаколой» в

руке и подсчитывать денежки.

Они размышляют и разглядывают лица друг друга. Голубой люминесцентный свет подсвечивает их кожу, превращая глаза в электрические искры.

Кеке не может ее отпустить. Ей нужна помощь Кирстен, если она хочет их разоблачить. Она чувствует, что покалывающее ощущение в животе — признак того, что следует продолжать. Эта история может поднять ее по карьерной лестнице, и она так просто не сдастся.

— Подожди, — говорит Кеке. — У меня есть идея.

Женщины оставляют голубой куб позади и углубляются дальше по этажу, направляясь к сервисному отсеку. Они достигают стены и видят большие квадратные металлические двери с выгравированными на них символами.

— Инженерные коммуникации, — говорит Кеке.

Кирстен останавливается и скрещивает руки.

— Нет. Нет. Категорическое нет.

— Почему?

— Я ни за что не полезу по желобу для медицинских отходов. Или по еб*ному мусоропроводу.

— Где твоя жажда приключений?

— Моя жажда приключений исчезает при виде грязных игл и остатков больничной еды.

Кеке смеется, а вот Кирстен — нет.

— Я не шучу, — говорит Кирстен.

— Мы не полезем по мусоропроводу, — говорит Кеке, поворачивая рычаг на другой дверце. Грязная простыня падает на пол.

Кеке показывает Кирстен, чтобы та начинала лезть.

— Ты серьезно?

— Так же серьезно, как и сердечный приступ, — отвечает Кеке.

Кирстен вздыхает, а затем просовывает свой грязный кроссовок в проем, подтягивается вверх и залезает внутрь. Она останавливается на секунду и оглядывается на Кеке.

— Лучше бы эта история была сенсацией.

Глава 3

Сигма

Кеке с Кирстен ползут по белье-проводу. Больше всего мешает запах, напоминающий Кеке о школе-интернате, посуде из нержавеющей стали в столовой и о стоянии на коленях на коричневом сахаре. Последний отрезок путь немного скользок, и Кирстен приходится подталкивать Кеке вверх, чтобы она смогла выползти из провода. Затем Кеке плетет самодельную веревку из

льняных простыней и сбрасывает ее Кирстен, чтобы та смогла выбраться.

Оказавшись в прачечной, они обыскивают грязные карманы лабораторных халатов в поисках забытых идентификационных карт или ключей, но ничего не находят. Они замечают в шкафчиках свежестиранные медицинские фартуки и маски и садятся в спальную капсулу хирурга, чтобы надеть их.

Кеке запирает дверь, затем падает на пол и заглядывает под подвесную кровать.

— Ха! — с триумфом произносит она и достает пару угольных сатиновых штанов.

— Эти капсулы же не используют на самом деле для сна, да? — спрашивает Кирстен.

— Я так не думаю.

Кеке тянется еще дальше под постель и достает шнурок с идентификационной картой и картой доступа.

— Бинго! — радуется Кирстен, Кеке смеется.

Кирстен хмурится.

— Что?

— Бинго, — повторяет Кеке, усмехаясь. — Ты же понимаешь, что так говорят только в старых фильмах и в старых деревнях?

Кирстен краснеет.

Кеке ощущает волну любви к своей лучшей подруге и хлопает ее по руке.

— Ты восхитительна. Застряла в прошлом, но все равно восхитительна.

Девушка сбрасывает с плеч свою кожаную куртку, и Кирстен бросает взгляд на ее плечо.

— Пора сделать укол?

Кеке опускает взгляд на свою татуировку, реагирующую на уровень инсулина в крови. Старый кружевной узор четко выделяется на ее темной коже.

— Вот дерьмо.

Она была так сосредоточена на том, чтобы проникнуть сюда, что совсем забыла взять с собой инсулин, лежащий в бардачке ее байка.

— Нам нужно спешить.

Девушки идут по коридору клиники в позаимствованных халатах. К счастью, кругом множество людей, и они с легкостью смешиваются с толпой. Восточное крыло, сказал ее информатор. Кеке думает, что ей придется украсть чей-нибудь «Тайл», чтобы найти номер комнаты, но затем они видят огромное стеклянное табло, на котором постоянно обновляется информация о пациентах. Скорее похоже на расписание вылетов в аэропорте,

чем на клинику по лечению бесплодия.

— Не могу поверить, насколько огромно это место.

На бледном лице Кирстен читается отчаяние.

— Прости, — говорит Кеке. — Для тебя это непросто.

Кирстен таскали от одного специалиста к другому, когда она была ребенком. У нее постоянно брали анализы, делали рентген, сканировали и кололи шприцами, так как ее родители искали причину ее синестезии. Неудивительно, что она боялась врачей. И тот факт, что это была клиника лечения бесплодия, только ухудшал положение, учитывая отчаянное желание Кирстен забеременеть.

Кеке никогда не понимала желания иметь детей. В ней просто отсутствовал ген материнства. Идея о размножении вводит ее в ступор, а мысль о том, чтобы иметь маленького человечка, который полностью от тебя зависит, более чем ужасает. У нее даже растения дохнут, что и говорить о пищащем младенце. С маленькими детьми куда сложнее. Они могут выпить средство для уборки, залезть на подоконник или уйти с незнакомцем. Слишком непредсказуемы, а Кеке этого в жизни более, чем хватает. Все же, она сочувствует Кирстен. Она знает, что такое желать чего-то очень сильно.

— Как ее зовут? — шепотом спрашивает Кирстен.

— Что? — спрашивает Кеке, но затем возвращается в настоящий момент.

— Имя жертвы?

— Я не знаю.

На табло продолжает сменяться информация. 226 пациентов, и их число растет.

— Ты не знаешь?

— Информатор мне не сказал, а они не станут называть ее имя. Они пытаются не дать этому просочиться в сеть.

Кеке изучает стеклянное табло.

— Ее привезут этим утром, между девятью и десятью. Она будет в реанимации или травматологии, что-то вроде такого. Вряд ли она проходит здесь лечение.

Журналистка не уверена, почему жертва вообще здесь, а не в настоящей больнице с настоящими травматологами.

Они читают названия различных отделений: поликлиника, лаборатории, хирургия, забор материала, пересадка, стационар.

Кеке видит, как Кирстен вздрагивает. Неважно, как сильно она хотела забеременеть, подруга никогда не согласится на ЭКО. Кирстен говорит, что не хочет «ускорять» процесс, но Кеке не понимает, почему та сопротивляется достижениям науки. Если бы не медицина, как считает Кеке, вспоминая о своей пульсирующей

под краденой униформой татуировке, она бы уже была мертва.

— Стационар, — говорит Кирстен.

— Да, похоже на то.

— Одна пациентка прибыла около десяти. Без имени. Лишь этот символ.

Отделение стационара, 9:59, палата 6А Σ.

— Сигма, — замечает Кеке.

— Что-что?

— Сигма. Это восемнадцатая буква греческого алфавита. Она означает сумму всего.

— Звучит, как название женского сообщества.

— Ты близка к истине.

— Что?

— Эта девушка… она жила в некоем женском сообществе. Только вот за ним скрывается нечто другое.

— Ты несешь чушь. Думаю, нам пора поискать тебе инсулин.

— Ерунда какая-то. Просто запомни шесть-а.

— Это легко, — говорит Кирстен, обладающая фотографической памятью. — Розовый лимонад.

— И кто теперь несет чушь?

— Шесть-а. Цифра шесть розовая. А — бледно-желтая, немного шипучая. С равномерным распределением пузырьков. Розовый лимонад.

Кеке качает головой. Иногда ей кажется, что ее лучшая подруга живет в иной реальности. Кеке уверена, что будь ее мозговые волны так же запутаны, как у Кирстен, она бы никогда не смогла довести что-либо до конца.

— Молчи, — говорит Кирстен. — Я знаю, о чем ты думаешь. Я чудо.

Они направляются в восточное крыло, используя чип-карту, чтобы открыть любое препятствие, и находят палату 6А. Кеке встает на цыпочки, чтобы заглянуть в небольшое стеклянное окошко, но ей не удается что-либо разглядеть. Иногда крошечный рост имеет свои недостатки. Кирстен на голову выше, она имеет обзор получше.

— Она одна? — шепотом спрашивает Кеке, и Кирстен кивает.

Кеке осматривается по сторонам, отпирает дверь, и они обе проскальзывают в комнату.

Глава 4

Бледная, как лист бумаги

Кеке прижимает украденную карту доступа к двери палаты, и замок со щелчком отпирается. Женщины проскальзывают в тускло освещенную комнату и на цыпочках подкрадываются к койке. Под простыней лежит худая спящая девушка. Пациент

«Сигма» одета в белую марлевую маску, а на ее руках повязки. Она подключена к капельнице и датчику сердечного ритма, ее медовые волосы, местами испачканные кровью, рассыпались по белой хлопковой наволочке. Кеке использует свой телефон, чтобы беззвучно просканировать медицинскую карту.

У двери слышится шум. Кирстен бросает на Кеке взгляд, словно говорящий: «Ты увидела все, что хотела?», и Кеке беззвучно отвечает: «Почти». Она оглядывается вокруг в поисках того, на чем могут быть отпечатки пациентки, но комната минималистична до предела: тут даже урны нет. Кирстен жестом показывает торопиться. Кеке уже готова бросить поиски, когда ее приложение по диабету издает звуковой сигнал, предупреждая принять инсулин: как сигнал подводной лодки. Пациентка ворочается.

«Сигма» открывает глаза, полные страха, и хватается перевязанными руками за поручни койки. Пытается сесть, но не может.

— Кто вы?

Бл***ть.

Стоит ли Кеке солгать? Сказать, что они пришли спросить, что она будет на обед? Умение лгать — один из многих талантов Кеке.

Пациентка нажимает на кнопку на пульте, и Кеке ожидает, что сработает тревога, но вместо этого над их головой включается свет, являя их во всей красе. Кирстен бледна, как лист бумаги.

— Кто вы? — снова спрашивает пациентка. Как теплые побелевшие пальцы на холодной стали.

— Мы друзья, — отвечает Кеке.

— Это не ответ.

Она нажимает другую кнопку на пульте, и кровать сгибается под углом, помогая ей принять сидячее положение. Хлопковая простыня, прикрывающая ее тело, опадает на колени, обнажая перевязанные плечи и грудь, и датчик, прикрепленный к животу.

— Ты беременна, — замечает Кирстен, не сумев сдержать удивление.

В глазах суррогатной матери появляются слезы. Она поднимает свои перевязанные ладони к лицу, закрывает глаза. Когда ее пальцы касаются марли, она с ужасом отдергивает их, а затем снова принимается исследовать незнакомую ткань. Вскоре она начинает сдирать с лица маску.

— Не надо, — говорит Кирстен, но уже поздно.

Маска легко срывается, и они видят свежие травмы на лбу и щеках. На них наложены швы, и они блестят от мази.

Кеке чуть ли не вздрагивает от этого зрелища, но пытается

сохранить выражение лица нейтральным. Просто от того, что она смотрит на обгоревшее и израненное лицо суррогатной матери, собственное лицо болит. Внутри нее начинает клубиться гнев.

Пациентка ищет на стене зеркало, но тут нет зеркал. Кеке неохотно протягивает ей свой телефон с открытым приложением «Миррор» *(прим.: с англ. «Зеркало»)*, и пациентка разглядывает свое новое отражение, никак не реагируя.

— Кто сделал это со мной?

— Это мы и пытаемся выяснить.

Девушка начинает шмыгать носом, и Кирстен протягивает ей носовой платок из коробки на подоконнике.

— Это моя вина, — говорит она.

— Неправда, — говорит Кеке, приблизившись на шаг и украдкой стащив кусок повязки с постели.

— Моя. Этим утром я жаловалась по поводу работы. Жаловалась на удачливую тошноту. Я мечтала, чтобы эта беременность закончилась, чтобы не быть суррогатной матерью.

— Как по мне звучит вполне разумно, — говорит Кеке. — Быть беременной нелегко. Особенно, когда ты делаешь это для кого-то другого.

Кирстен подходит ближе.

— Ты беспокоишься о ребенке?

— У меня дурное предчувствие, — плачет суррогатная мать. — Очень дурное.

— Что говорят врачи?

— Что с ребенком все в порядке. Они внимательно наблюдают за нами.

Все девушки одновременно смотрят на аппараты и видят обнадеживающие каракули сердечного монитора плода.

— Но тот взрыв… как ребенок мог выжить после такого?

— Расскажи нам, что произошло.

Сигма колеблется, затем опускает плечи и начинает рассказ.

— Я шла через сад и нашла пасхальное яйцо. Отравленное пасхальное яйцо.

Кирстен хмурится.

— Отравленное?

— Заминированное, — поясняет Кеке. — В играх в виртуальной реальности и симуляторах мины маскируются под бонусы, и их называют отравленными пасхальными яйцами. Дело тут не в настоящем яде. Очевидно.

— Но это было настоящее пасхальное яйцо, — говорит пациентка. — Очень красивое.

Кеке прищуривается, размышляя. Кто пытался навредить СурроСестре? Их уважают больше всех в стране.

— У тебя есть враги? — спрашивает Кирстен, и СурроСестра качает головой.

— Нет. Я имею в виду, несколько моих школьных подруг позавидовали, когда меня взяли в организацию, но у меня никогда не было врагов.

Кеке с Кирстен переглядываются. До этого момента.

— Что вы здесь делаете? — спрашивает голос за их спиной, и они подпрыгивают.

— Матушка Блейк, — произносит суррогатная мать, дрожащим от плача голосом. — Я не слышала, как вы вошли.

Крупная, солидная женщина, занимающая руководящую должность среди СурроСестер, входит в комнату. Ее медная булавка отполирована до идеального блеска и агрессивно светит в их сторону.

— Кто вы, черт возьми? Как вы сюда попали? — спрашивает женщина нарушителей. — Я зову охрану!

— Нет, — Кирстен пятится назад. — В этом нет необходимости. Мы уходим.

Блейк жмет на что-то на своем «Тайле».

— Слишком поздно! — громогласно заявляет она. — Они уже в пути.

Она пригвождает их двоих острым взглядом, ее коротко остриженные черные волосы липнут к влажным вискам.

— Вы должны стыдиться. Пришли сюда и расстраиваете СурроСестру.

— Нет, — говорит «Сигма», ее израненное лицо блестит от слез и мази.

Блейк замечает карманную камеру Кирстен.

— Я знала это. Вы из прессы.

СурроСестра выглядит напуганной. Она поднимает простынь до подбородка.

— Ну, — говорит Кеке, — да, но…

— Вы не имеете права публиковать эту историю, — говорит Блейк. — Не имеете.

— А в чем она заключается? — спрашивает Кеке.

Прибывает охрана клиники, и Кеке с Кирстен готовятся к тому, что их силой вышвырнут, но вместо этого охранник вежливо стучит в дверь и просовывает голову в палату.

— Проблемы?

На лице Блейк дергаются желваки, когда она сжимает челюсти. Она не отрывает взгляда от Кеке.

— Я пока не знаю.

— Подожду снаружи, — говорит охранник, и дверь снова закрывается.

— Что происходит? — спрашивает Кеке. — Зачем кому бы то ни было…

— Это не ваше дело, — заявляет Блейк.

— Когда на СурроСестру совершают нападение, это становится делом каждого, — отвечает Кеке. — Как они проникли в монастырь? Я видела чертежи комплекса. В него не попасть.

Блейк не отвечает. Просто смотрит на Кеке, и ее ноздри раздуваются.

— Это сделал кто-то изнутри? — вслух задается вопросом Кирстен.

— Никогда! — говорит Блейк. — Такое невозможно.

Кеке наклоняет голову, задумавшись.

— Прежде чем предоставить доступ, они изучают подноготную каждого.

— Кто-то проник внутрь?

— Невозможно, — отрицает Блейк.

Кеке скрещивает руки.

— Очевидно, что возможно.

Блейк вздыхает и кладет ладони на металлические поручни у изножья койки.

— Послушайте. Мы ведем собственное расследование.

— Серьезно?

— Как только у нас будет больше информации, мы сделаем заявление перед прессой.

Кеке поджимает губы. Я это уже слышала.

— Нашей главной задачей сейчас является обеспечение безопасности сестер, особенно нашей пациентки здесь. Она все еще в состоянии шока. И ее уж точно не стоит подвергать дополнительному стрессу, — Блейк показывает на монитор сердечного ритма плода. — Если вы не хотите уходить по моей просьбе, сделайте это ради ребенка.

Проклятье. Кеке не может с этим поспорить. Плюс, у нее пересохло во рту, и она ощущает покалывание в теле из-за слишком высокого уровня сахара в крови. Им нужно убираться отсюда, но Кеке не сдастся так просто. Она твердо стоит на своем, скрестив руки.

Блейк вздыхает.

— Если вы уйдете быстро и тихо, я велю охраннику уйти.

— Предоставьте нам доступ в монастырь, — просит Кеке.

Блейк выглядит искренне шокированной.

— Вы не можете говорить серьезно.

— Позвольте нам помочь с расследованием.

— Кеке супернастойчива, — говорит Кирстен. — Поверьте мне, вы захотите иметь ее на своей стороне.

— Я считаю, что мы разберемся со всем сами и без вас, — говорит Блейк, открывая для них дверь. — Последнее, что мне нужно, чтобы киберпапарацци совали свой туда, куда не просят. А теперь проваливайте, пока я не добилась вашего ареста.

Кирстен делает шаг, но Кеке не хочет уходить. Ей нужно опросить СурроСестру. Ее странным образом влечет к девушке, возможно, потому что та выглядит такой беззащитной, лежа на этих накрахмаленных белых простынях. Кеке ощущает желание защитить ее. Сколько ей лет? Семнадцать? Слишком юна, чтобы быть оторванной от семьи вот так: Кеке оборвала связи со своей семьей в пятнадцать, так что она знает, каково это. К тому же девушка слишком молода для беременности, но такова политика СурроСестер. Они принимают добровольцев как можно более младшего возраста, но чтобы не нарушить закон. Рождаемость начинает резко падать, когда исполняется девятнадцать, и они не могут так рисковать, не в стране, где менее одного процента женщин фертильны. Нет, если не хотят получить антиутопию, где нет молодого поколения, чтобы работать и толкать экономику вперед. Кто-то должен работать, чтобы платить за инвалидные кресла и подгузники для взрослых. Фертильных женщин необходимо как можно скорее найти и пристроить к работе: или постельному режиму, или чем еще там занимаются беременные СурроСестры, прежде чем их яйцеклетки выйдут из строя, как у остальных женщин.

И если кто-то выбрал своей целью этих немаловажных женщин, их ждет безрадостное будущее. Это касается каждого в стране. Кеке уверена, что поэтому она ощущает это покалывающее предчувствие. Эта история может стать главным событием года. Они начинают идти к двери, но «Сигма» выглядит такой опустошенной. Кеке ни за что не уйдет, не подарив ей какую-либо надежду. Аура отчаяния вокруг девушки не дает журналистке сдвинуться с места.

*«Пох*й. Я займусь этой историей несмотря ни на что. Эта девушка заслуживает справедливости, СурроСестры — чувствовать себя в безопасности, а я — эту историю».*

— Одобрят СурроСестры или нет, — говорит Кеке девушке, бросив на Блейк взгляд искоса, — мы обязательно выясним, кто сделал это с тобой.

Глава 5

FLOWERGRRL

Мотоцикл Кеке с ревом подъезжает к буйно заросшей территории Жасмин. Створки ворот плавно открываются для нее, и она паркуется внутри. Шины ее мотоцикла давят крошечные пурпурные цветы, пахнущие перцем. Она опускает ногой

подставку и спрыгивает на землю, снимает надувной шлем и убирает его под сидение. Подняв взгляд, она замечает Жасмин, стоящую перед своим домом на колесах и наблюдающую за ней. Кеке хочется сорвать с нее одежду, но она сдерживается. Лучше сначала обсудить дела.

— FlowerGrrl, — мурлычет Кеке.

— Мне нравится, когда ты так меня называешь.

Растения вокруг них слегка покачиваются от теплого послеобеденного бриза. Здесь нет ни сантиметра бесплодной почвы. Кеке прикасается к лилии лимонного цвета, у которой тычинка похожа по форме на молнию. Электрическая лилия, сказала бы Кирстен, будь она здесь. Кирстен сошла бы с ума от этого места. У нее практически нездоровая одержимость растениями, а ее квартира в Иллово напоминает самые настоящие джунгли. Кеке любуется видом, приближаясь к Жасмин. Ароматы цветов переплетаются, создавая мелодию.

— Ты была занята.

— Ты же меня знаешь, — отвечает Жасмин. — Не люблю сидеть без дела.

Похотливый серебристый блеск в ее глазах усиливает возбуждение Кеке.

— Пойдем внутрь.

Кеке идет следом за Жасмин в дом на колесах, любуясь талией девушки со спины, что стянут медным корсетом и поблескивающими металлическими деталями в ее прическе-улье. Викторианские иллюстрации запечатлены чернилами на бледной коже. Женщина знает, как сделать стимпанк сексуальным.

Дом усовершенствован. Как будто этим занялись Винсент Ван Гог и Генри Форд, испытав особую любовь к своему творению и украсив его шестеренками и коваными медными пластинами. Кеке иногда поддразнивает Жасмин, спрашивая, не сможет ли ее дом скоро летать. Она представляет, как у него вырастут гигантские пергаментные крылья как у дракона, и он упорхнет за горизонт.

Но у Жасмин нет времени на такие фантазии. Она мастерица стимпанка, флористка, занимающаяся генной инженерией, и глава «Альбы» — биопанк организации хактивистов, занимающейся разоблачением нечестных клиник и корпораций зла. Кеке познакомилась с ней благодаря своим связям в даркнете — сети, объединяющей правдоискателей, которые делятся или обмениваются информацией, дабы бороться со злом.

Кеке знает, что зло предстает не в облике демонов или проклятий. Зло на сто процентов имеет человеческое обличие, и это их работа бороться с ним. «Альба» и другие организации

наподобие нее, наряду с индивидуальными борцами, такими, как она, делают все, что в их силах, чтобы искоренить корпоративные пороки и политическую коррупцию. В большинстве случаев, данные, которые они получают, бесплатны. Иногда их обменивают на игровую валюту, биоаппаратуру или секс. Отношения Кеке с Жасмин начались не так, но в тот день, когда они встретились, чтобы обменяться шпионским ПО с черного рынка, их обоих словно поразила молния. Они воспылали друг к другу страстью.

— Ты помнишь день, когда мы встретились? — спрашивает Кеке.

Жасмин перестает настраивать свой принтер и поднимает взгляд.

— Конечно.

Тогда-то Кеке и замечает ее пальцы и хмурится.

— Ты поранилась?

Жасмин опускает взгляд на свои искра-пластыри.

— О! Нет.

Кеке подходит и целует кончики пальцев Жасмин.

— Я не ранена. Это мое последнее изобретение. Я все еще тестирую его.

Она трижды щелкает пальцами, появляется искра, а затем пламя.

— Вау! Круто.

Жасмин с секунду удерживает пламя, а затем задувает его.

Эти губы.

— Похоже на волшебство, — замечает Кеке.

— Лучше, чем оно, — отвечает Жасмин и подмигивает ей. Она поворачивается к принтеру. — Ты принесла отпечатки пальцев девушки?

— Я не смогла их получить. Одна из старших СурроСестер застала нас.

— Проклятье!

— Но не раньше, чем я получила это.

Кеке достает прозрачный пластиковый пакет из кармана своей кожаной куртки. Внутри находится повязка, коричневая от крови.

— О, очень хорошо.

Жасмин тянется на верхнюю полку и достает ДНК-набор. Она надевает биолатексные перчатки с красной корицей и приступает к работе: отщипывает небольшой фрагмент повязки и помещает в высокотехнологичную тестовую пробирку с прозрачной жидкостью, которую затем вставляет в принтер. Появляется голоэкран.

Джони Миэлке, гласит текст, далее приводится генетический профильный код суррогатной матери в виде трехмерного штрих-кода.

— Что тебе нужно? — спрашивает Жасмин. — Отпечатки?

— Да. И скан радужки, если ты можешь.

— Я могу.

Жасмин вводит код, и экран из голубого становится зеленым.

— Ладно, хорошие новости. Принтер считал ДНК-код и успешно определил dynap-код. «Фандеркэтс» вперед.

— Боже, ты так сексуальна, когда работаешь, — говорит Кеке.

Жасмин игнорирует ее, твердо удерживая взгляд на принтере, который начинает гудеть. В лотке оказываются три небольших клочка бумаги минутой спустя. Жасмин достает их и помещает в небольшой пластиковый рукав.

— Ты уже пользовалась силиконовыми отпечатками?

— Нет, — отвечает Кеке.

— Они похожи на наклейки. Снимаешь заднюю сторону и наклеиваешь на свой палец. Я напечатала для тебя три штуки, просто на всякий случай.

Кеке изучает силиконовый рисунок, завиток напоминает ей раскрывающийся бутон.

Далее принтер выпускает еще два крошечных листка.

— А это работает как контактные линзы. Сними заднюю сторону, как с отпечатками, и добавь немного физраствора.

Кеке знает, как надевать линзы. Частью ее образа являются ярко-синие глаза — этот цвет ненастоящий. Технологии производства линз невероятно поражают. Недавно она вложила десять тысяч блоксов в стартап в Кейп Республике, занимающийся разработкой маленьких линз, которые могут вырабатывать инсулин, постоянно замеряя уровень сахара в крови. Ей нравится ее татуировка, но она не будет скучать по уколам.

— Я все еще работаю над формулой линз, — сообщает Жасмин. — Они неидеальны. Узор радужек начинает портиться через час или около того, так что, что бы тебе не нужно было сделать, поторопись.

— Большое спасибо, — благодарит Кеке, убирая отпечатки и радужки в карман.

— Всегда пожалуйста.

Жасмин хлопает своими огромными ресницами, глядя на нее.

— Услуга за услугу?

— Конечно. Что мне для тебя сделать?

— Маленькая пташка напела мне, что у тебя есть для меня история.

Кеке поначалу пребывает в замешательстве. Она так

сосредоточилась на истории с суррогатной сестрой «Сигма», что практически забыла обо всем остальном. Но затем она вспоминает. Она кое-что подслушала в онлайн-чате через новое кибершпионское приложение, которое сейчас тестирует. Пока этим слухам нельзя верить. Один слух — это еще не история.

— Истории пока нет. Не в данный момент. Я даже еще не уверена, есть ли она.

— Расскажи.

— Просто один слух из раздевалки.

— Все как я люблю! Чьей раздевалки?

— Дай мне денек, я разузнаю получше. Не хочу отправить тебя в погоню за призраками.

Жасмин выглядит разочарованной.

— Хорошо.

— Если все так, ты будешь первой и единственной, кому достанется информация, обещаю. Думаю, это как раз по твоей части.

— Ладно. Постараюсь быть терпеливой.

— А пока, — говорит Кеке, протягивая руку к пуговицам на платье Жасмин, — у меня есть другие способы отблагодарить тебя.

Кеке расстегивает пуговицы медленно, ловко, одной рукой. Кожа цвета слоновой кости на шее Жасмин принимает розоватый оттенок. Она закусывает губу. Кеке поворачивает ее кругом, целует в шею и снимает ее теплый металлический корсет. Она опускает его на пол, оставшись на коленях, поднимает подол платья Жасмин и принимается целовать и покусывать ее бедра сзади. Жасмин делает шаг из корсета и наклоняется над столом, предоставляя Кеке отличный вид на ягодицы. Они бледные и совершенные, и то, где они встречаются наверху, под медно-ржавыми трусиками Жасмин, воспламеняет в Кеке сумасшедшее желание. Кеке снова принимается за бедра Жасмин, целует яростнее, привлекает к делу язык, прокладывает путь вверх по кремовой коже. Не достигнув верхней точки, Кеке останавливается и любуется похожей на персик задницей Жасмин. Кеке ощущает пульсацию внутри, похожую на вибрацию, словно таз превратился в огромный колокол, по которому ударили.

— Боже мой, я хочу тебя.

В голосе Кеке отражается желание к девушке, которая стонет, когда Кеке возобновляет свой путь.

— Не останавливайся, — просит Жасмин, и Кеке повинуется.

Глава 6
Не зли богов искусственного интеллекта

Кеке оставляет свой байк под тенью старого дуба и проходит пешком последние несколько сотен метров до входа на охраняемую территорию монастыря. Двойные стены гладкие и высокие: по ним невозможно взобраться, даже при помощи крюка. Серебряный микроблеск в белой эмали заставляет поверхность сиять. Кеке ощущает жар, исходящий от стены, пока идет мимо.

Приблизившись к входу, она сбавляет скорость, поправляет непривычную для себя одежду. Она надеется, что ее походка идеальна: уверенная, целеустремленная, а не похожа на шатание. Наряд девушка подобрала верно: она взяла на прокат одеяние СурроСестры из магазинчика костюмов, консультант которого утверждал, что дизайн идентичен оригинальному, вплоть до слегка утяжеленного подола, прорезей под подмышками и перламутровых погонов. Кеке надела светлую соломенную шляпу, непримечательные белые леггинсы и белые кроссовки. Молочного цвета шелковый шарф.

Единственной недостающей частью ансамбля являлась отсутствующая медная булавка с надписью «СС». Кеке пыталась купить такую на «Марксете», но такой нет даже у лучших торговцев черного рынка. Продажа, подделка или даже нелегальное хранение являются уголовным преступлением. И, если не принимать во внимание угрозу получить тюремный срок, большинство из них считает такое аморальным, даже те, кто не гнушается торговать другой запрещенкой. Они рискуют попасть в трудовую исправительную колонию за продажу белого лобстера или «файерпауэр», но не торгуют медными булавками.

Кеке добирается до входа, слегка кивает головой в шляпе и солнечных очках стражнику у ворот и подходит к калитке для пешеходов. Произносит быструю молитву всем богам, которых знает, и прикладывает свой большой палец к сканнеру на панели биометрического доступа. Она на сто процентов уверена в способностях Жасмин в области биохакинга, но все равно нервничает. Что, если ее потовые выделения испортят силиконовый отпечаток? Что, если напечатанные линзы уже начали растворяться? Несмотря на тревогу, она пытается оставаться спокойной на случай, если охранник наблюдает за ней.

Из двух красных огоньков на панели, один становится зеленым. Далее она обращает взгляд вперед, глядя на сканер сетчатки. Второй огонек загорается зеленым, ворота издают дружелюбный сигнал и отворяются. Кеке ощущает прохладу облегчения, ступая на территорию и закрывая за собой ворота.

Ее облегчение быстро сменяется дурным предчувствием, когда она понимает, что обладая достаточным набором техники в

арсенале, на территорию монастыря легко попасть. А говорят, что он неприступен.

Это плохо.

Число потенциальных подозреваемых только что увеличилось в геометрической прогрессии.

Пару лет назад, архитектурные планы комплекса просочились в сеть. Поднялась шумиха: общественность обеспокоилась безопасностью СурроСестер, но на планах было видно, что безопасность в монастыре была на уровне, и утечка точно бы отпугнула любого, кто замыслил проникнуть туда. По этому поводу даже вышла политическая сатирическая карикатура, опубликованная в «Эко. Ньюз»: что-то вроде веселой иронии, что комплекс СурроСестер непорочен. Тогда Кеке задумалась, а не была ли утечка спланированной, совершенной изнутри, стратегией, направленной на то, чтобы показать любого потенциальному нарушителю, что проникновение невозможно, чтобы предотвратить любые попытки.

Ну, это сработало. По крайней мере, на время.

Это работало много лет, но теперь СурроСестры оказались под угрозой. Кто вообще может хотеть причинить вред суррогатным матерям? Какой-нибудь религиозный сумасшедший? Отверженная девушка, которую к ним не приняли? Брошенный парень? Джони не казалась такой девушкой, у которой дома может быть ревнивый поклонник. На самом деле, Кеке будет удивлена узнать, что у Джони вообще окажется парень. Она казалась хорошей девочкой с этими блестящими волосами медового цвета и ясными голубыми глазами. Была красивой до нападения. Добродетельной. Дочерью, которой гордятся. Кеке никогда такой не была. По сути, как внутри, так и снаружи, Джони была ее противоположностью, но Кеке все равно ощущала необъяснимую связь с девушкой.

Шарф начинает душить Кеке. Слишком жарко, он завязан туго. Кеке ослабляет его, несмотря на то, что это значит, что теперь больше лица и шеи видно.

Девушка прокладывает путь по асфальтированной дорожке. Она длинная и идет под уклоном вверх, вьется между коротко стриженой травой и ухоженным садом: тут растет пурпурный ковыль и пышные суккуленты. Когда девушка достигает вершины холма, в поле зрения появляется главное здание: красивое строение в стиле постмодерн — огромный, суперстилизованный цветок лотоса. Позади него, насколько хватает глаз, установлены ветряные мельницы. Они снабжают энергией монастырь и прилегающую территорию. Не то, чтобы монастырь нуждался в энергии, Кеке видит огромное количество солнечных деревьев,

поблескивающих под утренним солнцем. Девушка ускоряет шаг, не отрывая взгляда от главного здания.

Лепестки «лотоса» поворачиваются вслед за солнцем. Они закрываются в жаркие дни, как этот, чтобы внутри было прохладно и тенисто, а как только температура падает, здание расцветает. «Лепестки» раскрываются наружу и вниз, отражая лунный свет.

Кеке даже не будет пытаться попасть в «лотос». То, за чем она пришла, находится в центре безопасности.

У нее бешено колотится сердце. Ей всегда было любопытно, каково это находиться здесь, но она не верила, что когда-либо увидит это место своими глазами. Тут гораздо тише, чем она представляла. Где все СурроСестры? Возможно, они отдыхают в общежитии или заняты на уроках.

Матриарх СурроСестер, Солан, считает, что молодые женщины должны быть всегда заняты, так что ввела для них напряженное расписание из уроков и занятий. Они могут выбирать их по душе, но Кеке слышала, что они изучают среди прочего программирование, кунг-фу, блокс трейдинг *(прим.: блочная торговля, также известная как порядок блокировки, представляет собой заказ или торговлю, представленную для продажи или покупки большого количества ценных бумаг)*, верховую езду и стрельбу из лука. Конечно, пока не зачинают. Беременным СурроСестрам доступно лучшее из лучшего: как награда за то, что отдали свою матку в аренду ради спасения населения от вымирания. Им позволено долго отдыхать и наслаждаться вкусной пищей, а также лениво прогуливаться в прекрасных садах под внимательным присмотром белых дронов безопасности.

Когда у Кеке нигилистическое настроение, она задается вопросом, почему все так отчаянно стремятся обратить кризис бесплодия. Конечно же, есть причина, по которой люди перестали размножаться? Некоторые утверждают, что природа восстановится, как только человечество будет стерто с лица земли. Это займет сотни лет, но случится. Как кто-то с черным легким, кто перестает курить и вдыхать загрязненный городской воздух. Растения захватят все, животные, которые сейчас находятся под угрозой вымирания, станут размножаться, а земля не взорвется от всего того, что сотворил с ней человек. Мать-природа временами преподает нам урок. Торнадо тут, цунами здесь, но на самом деле нам нужна катастрофа библейских масштабов — что-то, что уничтожит большую часть населения планеты.

Или чума.

Давно пора случиться эпидемии.

Конечно, есть суицидальная болезнь. Она, кажется, набирает силу. Пока еще никто не понял, почему сейчас в тренде поиск новых способов расстаться с жизнью. Многие это сделали. Бариста, который делал Кеке кофе и даже не обмолвился и словом. Горячая парикмахерша-панк Жасмин. Странный парень, живущий в квартире напротив Котенка, от которого пахло тупостью и вонючими носками. Кирстен называет самоубийц «леммингами», что крайне веселит Кеке. Их объединяет темное чувство юмора.

«Что еще делать, кроме как смеяться, — пошутила на днях Кирстен, *— когда жизнь преподносит вам лемминга?»*

Кто-то выходит из здания Лотоса, так что Кеке опускает голову и продолжает путь. На женщине такая же форма, как и на ней, так что Кеке догадывается, что та является СурроСестрой. Боже, Кеке хотелось бы провести здесь неделю, понаблюдать за внутренним распорядком, за тем, как все работает, и поговорить с суррогатными матерями. Она бы отдала, что угодно, чтобы получить полноценный доступ сюда. Вскоре появляется еще одна женщина в белом, и еще одна. Они выделяются ярким пятном на фоне изумрудного травяного ковра, словно их клонировали на глазах у Кеке (сбой в матрице), но затем девушка понимает, что, скорее всего, у них просто закончился урок.

Дроны безопасности тоже вылетают из здания и кружат над СурроСестрами, как огромные белые осы.

— Эй! — окликает ее мужской голос за спиной.

Охранник. Кеке замирает.

Проклятье!

— Эй! — кричит он.

Кеке делает глубокий вдох и поворачивается. Какой максимальный срок дают за проникновение в монастырь СурроСестер?

Десять лет.

«Дыши».

Она поворачивается, чтобы посмотреть на него.

— Вы что-то уронили! — кричит он, используя свои ладони как рупор, а затем показывает на землю между ними.

Так значит, он за ней наблюдал. Кеке смотрит на тропинку и видит, что уронила белый шарф. Нервы сделали ее небрежной.

*«Бл*ть! Успокойся, твою мать, и будь более осторожна».*

Она машет охраннику и наклоняется, чтобы поднять шарф, и впервые замечает, что трава неорганическая. Представляет собой супер естественное покрытие, что логично, учитывая засуху, но от этой мысли Кеке почему-то неприятно. Возможно, потому что она

так долго не замечала, что трава ненастоящая. А может потому, что теперь она задается вопросом, что еще тут не то, чем кажется.

Дрон безопасности засекает Кеке и спешно направляется к ней. Кеке быстро поправляет шляпу и опускает голову, надеясь затенить лицо. Снова наматывает шарф вокруг подбородка и шеи и спешит по тропинке, бешено дыша. Дрон, в конце концов, теряет интерес и улетает прочь.

Тропинка ведет к женскому общежитию, затем ответвляется к главному саду, спортивным полям и конюшням. Кеке идет по пути к общежитиям, но затем сходит с тропы, чтобы обойти здание сзади. Если только они не изменили планировку, центр безопасности представляет собой небольшую комнату рядом с кухней.

По мере приближения, Кеке все лучше слышит стук кухонных принадлежностей из нержавеющей стали и ощущает отдаленный запах еды из кафетерия. «Столовская блевотина» — так она это называет. Ее атакует сотня воспоминаний о времени, проведенном в интернате, большинство из которых ужасны. Консервативные воспитательницы неодобряли ни наличие собственного мнения, ни писательский талант, ни хорошие сиськи. Они всегда завидовали ее фигуре.

Наверное, поэтому у Кеке мурашки ползут от матушки Блейк.

Кеке вздрагивает.

Колючие простыни. Тонкие матрасы. Готовые горячие напитки в кипящих котлах, настолько разбавленные, что нельзя сказать чай, кофе это или просто грязная вода. И ужасная еда. М-да, еда. Неудивительно, что большинство девушек набирали по килограмму за семестр, потому как единственным способ избавиться от сильного грызущего голода — запрятать кипу батончиков «Каракранч» под подушкой.

Хорошие воспоминания тоже были. Немного, но кое-что ей запомнилось. Как она ходила в город осенними днями, держась за руки с другой воспитанницей. Долгие дни, проведенные за чтением под раскидистым платаном. То, как она вместе ходила в душ с другими девушками, якобы для того, чтобы увеличить время в душе, но Кеке больше нравился сам процесс. Теплые струи воды, большие мягкие губки и пена, и все эти прекрасные молодые обнаженные тела вокруг. Иногда они целовались. Девушки называли это «тренировкой». Они «тренировались», чтобы быть готовыми, когда придет момент целовать мальчиков. Но для Кеке все было по-настоящему. Ее постоянно грыз голод, но не из-за еды, она была рождена с другим видом аппетита. Она забывала себя в тех горячих, влажных поцелуях. Языки, пальцы и скользкая кожа. Некоторые девушки задавались вопросами, не

являются ли они лесбиянками или би, испытывая от этого удовольствие. Кеке никогда не ощущала проблем с самоопределением, она всегда знала, что является амбисекстром задолго до того, как это стало модным.

Кеке прогоняет тревожные мысли из головы.

«Да что со мной сегодня?»

Она совсем не в форме. Словно странности этого монастыря и того, что здесь происходит, просачивается в ее мозг. Ей нужно избавиться от задумчивости и сосредоточиться на текущей задаче. Девушка скользит в тень здания, стоящего позади кухни, и движется к двери на другой стороне. Конечно же, та заперта, чего и следовало ожидать. Кеке идет назад вдоль периметра и пытается открыть дверь кухни, которая не заперта. Журналистка проникает внутрь и осторожно прикрывает за собой дверь. Две женщины, одетые в поварскую одежду и с сетками на головах, возятся над блюдом, что стоит под разогревающей лампой, а третья, насквозь пропотевшая, сваливает кучу соевых сосисок на гигантскую сковороду. Шипение искусственного мяса скрывает шум шагов Кеке, пока та, наклонившись, крадется вдоль стены и проскальзывает в столовую. Оттуда она направляется в центр безопасности: по короткому коридору и налево, пока не замечает дверь, которую ищет. Она слегка приоткрыта, и девушке удается заглянуть внутрь и выяснить, что там никого нет. Центром безопасности управляет искусственный интеллект, так что нет необходимости в дюжине людей, просматривающих записи с камер наблюдения. Любая необычная активность отправит тревожное предупреждение напрямую в охранную фирму, и сразу же будет объявлен локдаун.

«Не поднимай тревогу», — думает Кеке. Она слышит, как колотится ее сердце. Не серди богов искусственного интеллекта.

Пока она осматривает комнату и оборудование, ощущает запах поджаривающейся сои и чувствует позыв к рвоте. Чем быстрее она отсюда уйдет, тем лучше. Девушка извлекает свой «Xdrive» из-под язычка левой кроссовки, находит разъем в гудящем аппарате в центре комнаты и вставляет ее. Как мужчина в женщину. Разве не забавно, как все всегда сводится к сексу? Или, по крайней мере, так происходит у нее.

Она быстро вводит список команд, зазубренных наизусть, и информация начинает копироваться. Она точно не знает, что ищет, так что копирует данные за целый год. Все видео, документы и переписки, датированные 2021 годом, улетают на ее флешку. Она все еще слышит биение своего сердца. Почему она так нервничает? Возможно, из-за сочетания перспективы попасть в Крим-колонию, если ее поймают, воспоминаний об интернате и

переживаний за Джони.

Данные скопированы на семьдесят восемь процентов, когда она слышит, как к ней приближаются голоса.

«Проклятье».

Она ищет место, где можно спрятаться, но комната настолько пуста, что тут негде скрыться. Девушка не может вытащить флешку, не прервав процесс копирования. Девушка ныряет под стол и прижимает колени к груди, стараясь сделаться как можно меньше. Если они просто пройдут мимо, никто ее не увидит, но, если решат подойти к устройству с этой стороны, сразу же обнаружат Кеке. Голоса становятся громче.

«Дерьмо. Дерьмо, дерьмо, дерьмо».

Отвратительный запах кухни сменяется запахом пота Кеке.

Десять лет в колонии.

Десять лет изоляции в заведении, которое в одиннадцать тысяч раз хуже, чем чертов интернат.

Десять лет придется шить маски от супербактерии, добывать нефть или изготавливать соевые сосиски. О чем Кеке только думала? Никакая история такого не стоит.

Переговаривающиеся женщины останавливаются у порога. Кеке сглатывает ком в горле, плотно зажмуривает глаза и ждет, когда ее найдут.

Глава 7

Пять минут до свободы

Женщины, все еще разговаривая, отходят от двери и позволя Кеке свободно вздохнуть.

*«П*здец, еле спаслась».*

Если бы только она могла унять бешеный стук сердца в ушах. Кеке вскакивает на ноги и извлекает флешку, снова прячет ее в кроссовок. Она проверяет коридор и, видя, что он пуст, пользуется моментом. Обратно к столовской блевотине, обратно к тропинке, которая выведет ее с территории к драгоценной Нине, самому сексуальному мотоциклу во всем южном полушарии. Ей удается незаметно покинуть кухню. Повара накрывают столы к обеду, так что Кеке даже не приходится красться, она просто бежит.

Прежде чем шагнуть в приятную прохладу, она быстро проверяет свой наряд, поправляет платье и шарф, надевает солнечные очки и шляпу. Пытается придать лицу расслабленное выражение, несмотря на то, что крайне взволнованна.

«Всего пять минут до свободы», — думает она, начиная свой путь к главному входу, когда ее останавливает просвистевшая белая стрела, которая едва не попадает ей в грудь и вонзается в стену рядом.

«Какого…»

Кеке пригибается к земле и бежит, но нападающий пускает еще одну стрелу, и та пролетает так близко к щеке, что девушку оглушает ее свист. Кеке останавливается и поднимает руки.

— Не стреляйте!

К ней приближается СурроСестра. Кончик стрелы нацелен Кеке прямо в грудь, тетива натянута так туго, что практически звенит от напряжения.

— Ты сошла с ума? — сердито спрашивает Кеке. — Ты могла убить меня.

Во взгляде СурроСестры сквозит легкое безумие. Ее губы кривятся в улыбке.

— Я никогда не промахиваюсь с расстояния меньше десяти метров, — сообщает она.

Журналистка начинает думать, что та психопатка. Другие серийные убийцы тоже хвалятся перед жертвами своей меткостью?

— Поздравляю, — отвечает Кеке. — Твои родители должно быть гордятся.

Женщина смеется и опускает оружие. Кеке смотрит на ее развевающийся белый наряд, на сильные руки и видит перед собой кого-то среднего между греческой богиней и супергероем.

— Ты выбрала очень плохое время, чтобы проникнуть в монастырь, — говорит суррогатная сестра.

— Откуда ты знаешь, что я сюда проникла? — спрашивает Кеке. — Почему я не могу быть новой сестрой? На самом деле, разве это не безответственно с твоей стороны стрелять из лука в того, кто может быть новым пополнением в ваших рядах?

— Ты не из наших, — говорит женщина, бросая многозначительный взгляд на грудь Кеке, на которой отсутствует медная брошь «СС». — Это видно издалека. В обычных обстоятельствах, я бы еще могла тебе поверить, но…

— Но это не обычные обстоятельства, — замечает Кеке. — После вчерашнего взрыва.

— Да.

— Я понимаю, что вы приняли дополнительные меры, — говорит Кеке. — Но я здесь не затем, чтобы причинить кому-то вред. Наоборот…

СурроСестра наклоняет голову, словно пытается понять, говорит ли она правду.

— Я здесь, чтобы помочь. Я говорила с Джони. После нападения.

— Не может быть.

— Это правда.

— Карта Сигмы засекречена. Никто не знает, кто она. Даже доктора не знают ее настоящее имя.

— Ну, не хочу хвалиться, но…

Глаза женщины, полные подозрения, мечутся туда-сюда, а затем останавливаются на голубых линзах Кеке, которые, вероятно, уже начали бледнеть.

— Как ты попала в ее палату в больнице? — требует ответа она. — Как ты попала сюда?

— У меня свои методы.

— Пошли со мной.

— Как-то не охота.

— Я отведу тебя к матушке Блейк. Она решит, что с тобой делать.

— Нет. Я по-быстрому уйду, а ты скажешь Всемогущим силам, что не смогла меня остановить. Если вообще решишься что-либо рассказывать.

Женщина фыркает. У нее привлекательное лицо, но ее личность портит всю прелесть.

— Даже если я отпущу тебя, тебе не позволят покинуть главные ворота. Я запустила тихую тревогу. Мы на локдауне.

Кеке оглядывается вокруг. На обширной территории теперь ни одной СурроСестры-клона.

Лучница сжимает челюсти.

— Ты пойдешь со мной, или я пущу тебе стрелу между лопаток, если попытаешся бежать, поняла?

Кеке всматривается во вредное лицо сестры, выискивая признаки блефа. И не видит их. Все же, ей придется рискнуть, потому как она не может позволить себе быть арестованной. Девушка начинает идти в направлении входа, но с каждым шагом ее все больше охватывает страх.

Журналистка слышит, как снова натягивается тетива, стрела летит в сторону деревьев, и она практически ощущает боль от острого наконечника, вонзающегося в ее спину, словно это уже произошло в параллельной реальности, которая всего на секунду опережает эту. СурроСестра конечно же не выстрелит. Кеке продолжает идти, дышит, пытаясь унять панику, сковавшую внутренности. Только она ощущает проблеск надежды, что ей удастся покинуть территорию монастыря, как девушка слышит звон и чувствует огненную боль в спине. Кеке падает лицом вперед в мягкую фальшивую траву.

Глава 8

Электрические стрелы

Когда Кеке приходит в себя, понимает, что лежит на белой подвесной кровати в месте, похожем на медицинскую часть. Она

моргает из-за яркого света сверху, пытаясь понять, что произошло, где она, и почему верхняя часть ее спины болит так, словно девушку сбил грузовик.

Проклятье.

В поле зрения появляется силуэт. Он прикладывает прохладную, сухую руку к ее лбу и с силой хлопает по щеке.

— Ну вот, — произносит незнакомый голос. — Я же говорила тебе, с ней все будет в порядке.

Она слышит шум разговора, но не может различить, о чем они говорят.

— Что вы со мной сделали? — хрипит Кеке, но никто не отвечает.

— Она пыталась сбежать, — говорит СурроСестра, которая в нее стреляла.

— Ты поступила верно, — говорит знакомый голос.

Перед глазами появляется лицо — это матушка Блейк. Затем Кеке замечает СурроСестру-психопатку.

— Не могу, бл*ть, поверить, что ты стреляла в меня, — говорит Кеке.

— Следи за языком, — отчитывает ее Блейк.

— С тобой все будет хорошо, — сообщает медсестра.

— В меня только что стреляла психопатка с луком и стрелами, и ты считаешь, что со мной все будет хорошо?

— Они просто тренируются, — отвечает Блейк. — Электрические стрелы. Они не могут нанести серьезного вреда. Мы не пользуемся настоящими стрелами на территории монастыря. Это слишком опасно.

— Как по мне, и эти опасны.

Кеке со стоном садится, и кровать покачивается от ее движений.

— Не больше вреда, чем от тазера.

Сурросестра будто бы испытывает сожаление. Кеке не уверена, потому ли, что она в нее стреляла, или потому, что стрела не смогла нанести больше увечий.

Кеке выкарабкивается из постели и тянется рукой к противоположной лопатке, проверяя себя на предмет ранений. Ее спина пульсирует от боли.

— Всего лишь синяк, — сообщает медсестра.

Не самая сострадательная медсестра из тех, которых знает Кеке.

Она дает ей два небольших бумажных стаканчика: один с белыми таблетками, а другой с водой.

— Что это? — спрашивает Кеке.

— Парацетамол.

Три пары глаз наблюдают за Кеке, пока та забрасывает таблетки в рот и запивает их водой.

Ее охватывает паника.

— Вы вызвали копов?

Блейк поджимает губы.

— Мы пока не решили.

Кеке бросает на нее благодарный взгляд.

— Это не значит, что я считают, что ты не заслуживаешь ареста, — сообщает Блейк. — Я всего лишь хочу дать тебе шанс очистить свое имя.

— Я слушаю, — говорит Кеке.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала.

Сейчас не время дерзить, если она не хочет попасть в Крим-колонию.

— Я сделаю, что угодно, — отвечает Кеке, и она говорит на полном серьезе. *Почти.*

Глава 9

Сон Шрёдингера

Бетти приходит на работу, мокрая от пота. У нее не было выбора, кроме как бежать на работу в «Пропаг8» теперь, когда водители такси пытаются убить ее. Она купила электрокар, но они постоянно пытаются заминировать его. Каждый раз, как девушка кладет палец на кнопку зажигания, закрывает глаза и ждет взрыва. Каждый раз, как машина заводится без проблем, она думает, что это лишь вопрос времени. Что ей удалось выиграть еще один день. Они следят за ней, дожидаются идеального момента, чтобы оборвать ее жизнь.

Бетти не может унять тревогу и болезненные спазмы, пока дожидается, что сейчас взлетит на воздух до самых небес. Не то чтобы она верила в небеса. Она вообще ни во что не верит, кроме голосов в своей голове.

Так что она не может водить машину, но и продать ее тоже не может, потому как тогда ей придется встретиться с кем-то и предоставить им банковские реквизиты. Даже если бы она доверяла банкам (а она не доверяет), ей не хочется давать эти данные незнакомцу. Ей придется съездить в заброшенный торговый центр в Форвейз и оставить машину там, стерев все отпечатки. Никакой ДНК. Потому как в наши дни, если ты даешь кому-то в руки свой код, то отдаешь им все, что имеешь.

Опасность повсюду. Она не может поехать на работу и не может поймать попутку, так что ей приходится бежать. То же самое касается продуктовых магазинов. Неудивительно, что она так сильно похудела. Иногда, когда женщина смотрится в зеркало, ее шокирует вид тощего скелета, глядящий на нее из

отражения. Вероятно, она бы вообще не покупала продукты, если бы не ее бигль. Собака уже не в первый раз спасает ей жизнь.

Бетти использует свой ключ, чтобы попасть в офис, закрывает за собой дверь и опускает все жалюзи. Достает пару горячих салфеток, чтобы стереть пленку пота, которую ощущает по всему телу. Протирает лицо и под подмышками и уже собирается сесть, когда в комнате раздается мужской голос.

— Бетти.

Она вскакивает на ноги еще до того, как ее брюки касаются кресла.

— Да?

Бетти все еще не привыкла к бестелесным голосам своих коллег, которые вот так вот раздаются в ее офисе. У нее складывается ощущение, что они следят за каждым ее движением. Словно сидят в комнате управления, как боги, наблюдающие за каждым ее шагом. Словно она кошка во сне Шрёдингера.

Она жива или мертва? Бетти щиплет себя за руку и радуется боли. Жива. Бетти не знает, сколько это еще будет оставаться верным, но сегодня, в эту минуту, она жива. Это не продлится долго, так что она и жива, и мертва одновременно.

Она попросила их воздержаться от использования «Войс Бим» в ее офисе из-за ее состояния, но иногда они забывают. Или, быть может, им просто все равно, что у нее уже итак достаточно голосов в голове и без объявлений, что «В георгиновую комнату подадут чай и пирог с цукини в 11:00» и «Пожалуйста, не забудьте запереть свои столы, когда будете уходить», будто ей нужно напоминание. В чем Бетти хороша, так это в запирании.

— Бетти, — снова произносит голос.

— Да!

Она оглядывается в комнате, ожидая увидеть сотни глаз на потолке, смотрящие на нее сверху. Представляет издаваемый ими звук и содрогается.

— Это Мандла. Пожалуйста, подойди в мой офис.

— А, о, — шепчет Бетти. — Это плохо.

Она бросает взгляд на свой снейквоч. Да, она снова опоздала на работу. Конечно же, опоздала! Ее менеджер тоже бы опаздывал на работу каждый день, если бы ему приходилось бежать марафон, просто чтобы явиться на работу. Когда Бетти рассказала Мандле о своей проблеме, он проявил понимание. Он знал о ее диагнозе, что ей нужно делать все по-своему. Мужчина хотел (по большей части) закрывать глаза на ее странности. Но теперь он вызывал женщину в свой офис, и она сомневалась, что для того, чтобы повысить.

Бетти постучала в стеклянную дверь его кабинета, и

отпрыгнула в сторону, когда та заскользила в сторону. Ее менеджер со слабой улыбкой поднял взгляд. Он жестом показал ей проходить внутрь, дверь бесшумно закрылась за ее спиной.

— Бетти, — он дружелюбен, но тверд. — Присаживайся.

Она осталась стоять.

— Вы меня увольняете.

Мандла перестал улыбаться.

— Мне жаль.

— Я понимаю. Я опоздала на два часа.

Он вздыхает, и его лицо мрачнеет.

— Дело не только в опоздании. Я хочу дать тебе время отдохнуть. Лишь думаю, что…

Бетти пялится на него. Часть нее хочет избавить его от неприятной ситуации, сказать ему, что все в порядке, что она рада, что ей больше не придется столько бегать или иметь дело с бесчувственными коллегами, или снова пить ужасный офисный кофе без кофеина. Другая ее часть хочет заставить его помучаться. Она отдала много лет этой работе. Она ответственна за большую часть прорывных достижений, которые они осуществили, и что она получает взамен? Ухмыляющийся идиот говорит ей, что ей нужна помощь. Потому как это он и скажет, так?

— Я лишь думаю, что тебе нужно сосредоточиться на своем здоровье. Возможно, тебе стоит получить дополнительное лечение для твоего… состояния.

— Да что вы знаете о моем состоянии?

— Я знаю, что когда повстречал тебя, ты была самой яркой, гениальной биокультивисткой, которую только встречал. Ты запустила здесь программы, которые на много световых лет опередили возможности хранилищ семян по всему миру.

Бетти уставилась на него.

— Но это не имеет значения, да?

Он бьет ладонью по столу, и Бетти подскакивает.

— Конечно же, имеет! — заявляет Мандла, и, похоже, искренне. На его лице сожаление. Он вздыхает и откидывается на спинку кресла. — Конечно же, имеет.

Бетти смотрит на него, в то время как голоса в ее голове шепчут. Она игнорирует их.

— Вы ошибаетесь, — говорит она и покидает его офис.

Глава 10

Вафельный ключ

— Пошли, девочка, — говорит Бетти биглю, которого тянет за собой на красном поводке.

Собака никуда не спешит, она наслаждается неожиданной

прогулкой, компанией своего человека, тысячью различными запахами, исходящими от тротуара. Бигль поднимает взгляд на Бетти, дышит через рот, счастливая, и женщина немного смягчается. Не вина собаки, что она спешит. Обычно Бетти не взяла бы ее с собой на миссию, так как собака замедляет ее, но бигль начал выть и скулить, когда она собиралась покинуть квартиру, что наполнило Бетти чувством вины. Затем она ощутила присутствие какого-то зла, некоего вторжения, и вдруг ее дом стал ощущаться другим, словно кто-то заходил, пока она спала, и заменил всю ее мебель копиями. Ее любимое кресло с подголовником выглядело таким же, как и прежде, на его подлокотнике даже было такое же пятно от кофе, и следы от когтей собаки на грязных деревянных ножках, но Бетти знала, что это дубликат. Она внимательно рассмотрела его, даже опустилась на свои костлявые колени, чтобы понюхать его, что бигль посчитал игрой и присоединился, и даже запах был прежним. Как они смогли его подделать? Этих ребят… этих ребят нельзя недооценивать. Эти люди весьма хороши в своем деле.

Затем она обращает внимание на картину на стене, пейзаж местного художника, купленный много лет назад на «Роузбэнк Фли Маркит». Он тоже выглядит иначе. Стремительно летящие облака мрачнее, и с оттенком неба что-то не так.

Это лишь вопрос времени, когда они доберутся до нее. Может быть, ей стоит сдаться. Может быть, ей лучше самой расстаться с жизнью. Это лучше, чем сидеть и быть живой мишенью.

Да.

Так она и поступит, но сначала нужно предупредить других. Конверты дрожат в ее руках.

После того как она собрала коробку с вещами на работе и выбросила ее в мусоросжигатель, спрятала последние штрих-коды, включая ее, в скрытом дне камеры хранения. Нет места безопаснее, чем камера хранения в банке семян. Теперь она сделала три копии ключей, которые могут открыть эту ячейку, и три одинаковых письма в трех отдельных конвертах, все для одного и того же человека. Одно доставят почтой, второе для передачи в руки, а третье на всякий случай, если первые два каким-либо образом перехватят. Она сжимает в руках конверты. От ее пота бумага морщится. Бигль замечает вдалеке несколько голубей и лает, натягивая поводок. Бетти идет рядом с собакой, а птицы с угольными перьями бросаются врассыпную с их пути.

Она знает, что то, что она делает, опасно, но другие должны знать.

Глава 11
События развиваются слишком быстро

Когда Кеке приходит домой, у нее возникает желание принять душ и смыть с себя странное ощущение, возникшее в монастыре СурроСестер после того, как она заключила сделку с Блейк, но сначала она хочет сделать кое-что другое. Она сбрасывает обувь, срывает с себя самозваный наряд, садится в нижнем белье за ноутбук и вставляет флешку в устройство. Копирует каждый файл, вытаскивает устройство и делает глубокий вдох. Она все еще не верит, что они ее отпустили.

«А чего ты ожидала? — спрашивает голос в голове, вероятно, принадлежащий Кирстен. — *Что они будут держать тебя там, в своем суррогатном подземелье?»*

К счастью для Кеке, они смогли прийти к пониманию. Конечно, они не знали, что она скопировала все их данные и спрятала их в кроссовок. Тогда бы ни о каком соглашении не могло бы идти и речи.

Когда Кеке пытается открыть файл, он запрашивает пароль. Она бы попыталась отгадать, но это один из тех хитрых паролей, которые меняются каждую минуту, и если у тебя нет доступа к базе паролей, ты не сможешь подобрать код. Кеке стучит пальцами по столу, размышляя.

Она вставляет в уши наушники и заходит на новый сайт знакомств по ДНК, который недавно посещала, чтобы проверить сообщения. Ничего интересного. Конечно, ее интересует информация о месте работы в профиле, а не их аватарки или банальные биографии. Ей все равно у кого светлые волосы, а у кого — розовые, ей интересно лишь знать, где они работают, и похоже ли они на потенциальный полезный контакт. Она пролистывает вниз сообщения, в поисках конкретного профиля, который посчитала интересным прошлой ночью.

Кеке закатывает глаза, читая сообщения от случайных знакомых: «Привет, красотка», «Святые небеса, а ты горячая штучка» и «Покажи сиськи!». Эти люди по идее являются для нее идеальной парой, подобранной по ДНК, так что видеть всяких придурков на своей стене ее расстраивает.

— Да, — говорит она сама себе, когда находит парня, которого искала.

В этот раз она не смотрит на его аватар. На нем стоит черно-белая фотография Хеди Ламарр уже в зрелых годах. Может быть, он далеко не красавчик, или, вероятно, одержим Ламарр, в любом случае, Кеке это не касается. Он сейчас онлайн, и Кеке нужно включить обаяние, если она хочет получить от него помощи.

КК: Так ты фанат Хеди Ламарр?

Он отвечает не сразу. Кеке кусает ногти.

ММ: А разве можно им не быть?
КК: Хаха! Ок. Большой фанат. Я это уважаю.

Еще одна длинная пауза, Кеке ждет, когда он закончит набирать сообщение.

ММ: Хочу быть с тобой честен…
КК: Уже? Не думаешь, что слишком рано?
ММ: Возможно.
КК: И насчет чего ты хочешь быть честен? Я заинтригована и внимательно слушаю.
ММ: Я видел фото в твоем профиле. Должен сразу сказать тебе, что я не из твоей лиги. Не хочу тратить твое время.

Кеке испытывает соблазн написать: «О, милый, никто не попадает в мою лигу», но передумывает. Он пока незнаком с ее чувством юмора и может посчитать, что Кеке — тщеславная сука, что будет лишь наполовину неправдой.

КК: Пока не знаю. Изображение в твоем профиле кажется мне довольно горячим.
ММ: Я техногик. Обожаю пончики. И я все еще живу с матерью.
КК: Проклятье! А ты был серьезен, говоря о честности. А ты знаешь, что одно из преимуществ онлайн-флирта — это то, что ты можешь ввести людей в заблуждение, прежде чем встретиться с ними в реале?
ММ: Я не хочу вводить тебя в заблуждение.
КК: Тогда я тоже тебе кое-что о себе расскажу.
ММ: Ты не обязана.
КК: Я этого хочу. Но ты должен поклясться, что никому не расскажешь.
ММ: Кому я расскажу? Своей матери?
КК: Я проникла в монастырь СурроСестер этим утром.
ММ: Не. Может. Быть.
КК: Это правда. И я украла их данные.
ММ: Я люблю данные.
КК: Но я не могу получить к ним доступ. Я не эксперт, но мне кажется это один из постоянно меняющихся паролей.
ММ: О, жаль. Очень-очень жаль. Столько данных, а доступа нет.

Кеке громко смеется. Это нервный смех, который сам вырывается из горла. Она делает глубокий вдох, чтобы успокоиться, а затем продолжает печатать.

КК: Так что… Я нечасто это говорю, но…

ММ: *внимательно слушает*

КК: Мне нужен мужчина.

ММ: *прочищает горло*

КК: Но не просто мужчина. Мне нужен тот, кто обладает репутацией лучшего хакера в Джози.

ММ: Эм-м. [Вообще-то, в целой Африке]

КК: Я хочу сказать, мне нужны ловкие пальцы лучшего хакера во всей Африке.

ММ: Я могу помочь тебе с этим.

КК: Правда? Правда-правда??

ММ: Определенно. Я буду рад приложить свои руки к твоему делу.

КК: О-о-о. Звучит заманчиво.

ММ: Ты можешь переслать? Я хочу взглянуть.

КК: Они заблокированы. Переслать нельзя. Не могу отправить их.

ММ: Если ты предоставишь мне доступ к своему компьютеру, я смогу сделать это сам. Но это личное. Я пойму, что слишком тороплю события. Мы едва знаем друг друга…

КК: Я пришлю тебе приглашение.

Кеке копирует адрес его странички и отправляет ему приглашение получить доступ к ее лэптопу. Раздается тихий звук «пинг», и его аватар появляется у нее в верхней панели.

ММ: Итак, я вошел.

КК: О, детка! Как приятно.

ММ: Ха-ха. Прекрати. Я пытаюсь сосредоточиться.

КК: И я о том же.

ММ: Ты неисправима. И под этим я имею в виду ТЫ ЛУЧШАЯ.

КК: Ты их видишь?

ММ: Святая Хеди Ламарр!

КК: Что? Проблема? Только не говори. Я случайно подцепила самоуничтожающийся вирус, который сожрет весь мой диск?

ММ: Нет. Это…

КК: Да?

ММ: Эм-м… у тебя включена камера, и ты… Эм-м… Я

закрою глаза, пока ты не выключишь ее.

Кеке опускает взгляд на свой наряд. Она одета лишь в бирюзовый с черным атласный бра и соответствующие трусики. Девочки выглядят весьма аппетитно, если не сказать больше.

КК: Или я просто могу оставить камеру включенной. Можешь смотреть, сколько хочешь.

ММ:…события развиваются слишком быстро.

КК: Ты милашка.

ММ: Не могу сосредоточиться. Ты такая…

Кеке переводит взгляд на фронтальную камеру, дожидаясь продолжения предложения, но он молчит. Ей придется помочь ему.

КК: Чертовски красивая?

ММ: Да. Чертовски красивая.

КК: Разблокируй файлы, и я покажу тебе, насколько красива.

ММ: Ты не обязана это делать.

КК: Я этого хочу.

ММ: Я хочу сказать, что просто разблокирую тебе файлы. Мне не нужно никакое…

КК: Я ЭТОГО ХОЧУ.

ММ: Меня зовут Марко, кстати.

КК: Друзья зовут меня Кеке.

ММ: И как это произносится? КИКИ?

КК: Нет, больше похоже на Кеке. Сокращенное от Кекелетсо.

Кеке наблюдает за экраном, на котором начинают открываться различные файлы.

ММ: Ну вот. Теперь у тебя есть доступ к файлам. Тут… вау. Тысячи файлов.

КК: Как быстро!

ММ: Я этим славлюсь. В хакинге, то есть, а не в…

Кеке наносит блеск на губы и поправляет экран так, чтобы Марко мог лучше видеть. Она проводит рукой по декольте, а затем расстегивает бюстгальтер.

ММ: О.

КК: О? Может, нам стоит переключиться на видеосвязь? Перейти к двустороннему обмену?

ММ: Я слишком застенчив.

Кеке снимает бюстгальтер и бросает его на стол.

КК: А я нет. Так что я просто покажу тебе небольшое шоу, ты не против?

ММ: ГЛАЗАМ СВОИМ НЕ ВЕРЮ. Мне нужно проверить, если ли у меня еще пульс.

КК: Ты милашка. Серьезно. Я чувствую, мы поладим.

***

Отблагодарив Марко за услугу, Кеке выходит с сайта знакомств, выключает камеру и приступает к работе. Она пытается игнорировать возбуждение, пока ест соевую лапшу быстрого приготовления и пялится в экран. Просматривает каждый день, каждую комнату, наблюдает за каждой СурроСестрой. Как им сошло с рук круглосуточное подглядывание за ними? Что стало с законом о частной жизни? Затем она думает о Солан. Кеке уверена, что СурроСестрам пришлось отказаться от права на неприкосновенность личной жизни, как и от прав на свою матку.

Кеке пролистывает тысячи видео. У нее складывается ощущение, что она смотрит реалити-шоу. Что они ищут? От всего этого у Кеке ползут мурашки.

Но ей нужно забыть о своих чувствах в отношении девушек, хотя бы пока, и сконцентрироваться на том, чтобы найти того, кто подложил отравленное пасхальное яйцо. Она делает автосортировку видеофайлов в хронологическом порядке, а затем сосредотачивает усилия на тех клипах, что датированы временем за тридцать шесть часов до атаки. Даже после сужения критериев поиска, остается больше двух тысяч видео.

СурроСестры спят.

Идет урок лепки.

Две сестры пьют чай.

Группа сестер вяжет одежду для младенцев.

О, Боже мой. Как они остаются в здравом рассудке?

Если бы Кеке оказалась там, она бы начала биться головой об одну из этих безупречных стен. Она чувствует, как ее мозг атрофируется, просто наблюдая за ними.

Два с половиной часа спустя, Кеке находит видео, на котором Джони идет по саду.

Наконец-то!

Кеке морщится, когда СурроСестру жестоко рвет. Взгляд Кеке быстро устремляется к наполовину съеденной миске лапши, и она отодвигает ее в сторону.

Джони находит розовое сладкое яйцо, и Кеке наблюдает за тем, что происходит дальше сквозь неплотно сомкнутые пальцы. Джони подбирает яйцо, любуется им, кажется задумавшейся, а затем происходит вспышка, и экран становится белым.

У Кеке уходит еще одиннадцать часов на то, чтобы найти нужное видео. К этому времени, ее слюни практически капают на тачпэд, а ее мозг настолько мертв, что она не удивится, если из ее глаз польется кровь. Спина будто охвачена огнем, но это не имеет значения. Ничто не имеет значения, кроме клипа, который она проигрывает снова и снова.

Она звонит Кирстен, которая сразу же берет трубку.

— Ты них*я не поверишь.

— И тебе привет, — язвит Кирстен.

— Я хочу сказать тебе два слова.

— Не могу дождаться, когда услышу их.

— Работа. Изнутри.

— Что? Я понятия не имею, о чем ты.

— Нападение на Сигму. Они это сделали.

— Кто это они?

— Кто-то из СурроСестер.

— Это не имеет никакого смысла, — отвечает Кирстен.

— Я знаю. Но я нашла доказательство.

— Я слушаю.

— У меня есть видео, на котором то яйцо подкидывают на тропинку.

— Невозможно. Откуда?

— Ты недооцениваешь мои безумные навыки сыщика, — говорит Кеке.

— Все равно. Невозможно. Только если ты не… проникла туда. Но это же невозможно. Все знают, что это невозможно. Боже правый, Кеке, ты туда проникла? Ты хоть знаешь, что минимальное наказание за это…

— Это того стоило.

— Ты, похоже, очень хочешь получить эту еб*ную историю.

— Конечно, я хочу получить эту еб*ную историю! Она станет сенсацией года!

Кирстен раздраженно фыркает.

— Тебе не следовало так поступать, Кеке. Это слишком опасно! — разозлилась Кирстен.

— Я знаю, но…

— Но ничего! Ты же слышала те слухи… о том, что происходит в Крим-колониях. Я не вынесу мысли, что тебя запрут в…

— Послушай…

— Не желаю ничего слышать! Вломиться в клинику это одно, а…

— Я лишь хочу сказать, что…

— Что?!

— Мы можем поговорить об этом за бокальчиком?

— Буду там через двадцать минут.

Глава 12

Матерь божья

— Все равно не складывается. Зачем кому-то в «СурроТрайб» желать причинить вред одной из своих?

Кеке с остекленевшим после безумного длинного дня и третьей стопки виски взглядом пожимает плечами.

— Потому что люди уроды?

— Но они все считаются безупречными. Они изучают претендентов и принимают в свои ряды всего где-то один процент. СурроСестры должны превосходить других морально, интеллектуально и физически, так?

— Ну, так утверждает их пиар-компания, — замечает Кеке.

— А мы все знаем, что пиар-компании не всегда говорят правду.

— «Фейк Ньюз Централ».

— Именно. На прошлой неделе Бодум-Сентори попал в новости за распространение фальшивого видео. Они буквально слепили 4D-HD ролик, в котором Банановый босс раздает еду в Техасе.

— Дай отгадаю, Банановый босс никогда не был в Техасе.

— Верно. Они просто переделали видео какого-то другого бедолаги. Заменили его голову на голову Босса.

Кеке щелкает языком.

— У некоторых нет стыда.

— А чего ждать, — спрашивает Кирстен, — от человека с прозвищем Банановый босс?

Кеке усмехается.

— И то верно.

Они вдвоем вздыхают.

— Как теперь во что-либо верить?

— В том-то и дело, — говорит Кеке. — Я знаю, ты считаешь меня слишком амбициозной…

— Слишком безрассудной, — поправляет Кирстен. — Большая разница.

— Неважно, но я делаю это не только ради карьеры, знаешь ли. Я раскапываю правду, потому что это важно. Потому что это то, кто я есть. Потому как, если у нас не будет правды, то, что тогда у нас останется?

— Ладно, — отвечает Кирстен, наливая новый бокал. — Ладно. Я поняла. Я перестану отчитывать тебя, пока что.

Кеке возводит глаза к небу и беззвучно преувеличенно произносит: «Спасибо».

— Так ты утверждаешь, что какая-то СурроСестра заточила зуб на Джони, или же за этим стоит вся организация? Они пытались избавиться от нее по какой-то причине? Потому что, знаешь ли, все они вызывают у меня странное чувство.

Держа бокал в руке, Кеке показывает пальцем на Кирстен.

— Я знаю, ясно? Они похожи на сектанток. Мне было не по себе там.

— Мне кажется, все дело в этой безупречности. Словно они одержимы идеей невинности.

— Думаю, того требует бизнес.

— Вероятно, все к этому и сводится.

— Мне это тоже не нравится, но я вижу, зачем они так поступают.

— Знаю.

Кирстен скрещивает руки и переводит взгляд на потолок.

— Если бы кто-то девять месяцев носил моего нерожденного ребенка, я бы хотела удостовериться, что она не наркоманка со склонностью к грязному сексу с незнакомцами.

— Именно. И что у нее хорошие гены.

— Боже, да.

— Если СурроСестра передает ребенку свои гены, то ты захочешь ту, что с хорошими.

— С лучшими.

Кеке громко вздыхает и отпивает от своего напитка. Моргает, словно желая прояснить взгляд уставших глаз.

— Все это хреновая ловушка, скажу я тебе.

— Что все?

— Весь этот бред с продолжением рода. С самого начала ты становишься рабом этого ребенка.

— Это слишком мелодраматично, не находишь?

— Я серьезно. Ты будешь все время одержима мыслью, что должна дать своему ребенку все самое лучшее. Не похоже на счастливую жизнь.

— А ты знаешь, что такое счастливая жизнь, о, Мудрейшая?

— Нет, но я знаю, чего хочу. Кем хочу быть… и это уж точно не включает маленьких спиногрызов, висящих на моих ногах и

требующих, чтобы я купила им то, что нельзя. Вот поэтому ты не увидишь меня сюсюкающейся с младенцем в ближайшее время.

Кеке забрасывает ноги на ближайший стул.

— Без обид.

— Я не обижаюсь.

— Я слишком эгоистичная и не смогу стать СурроСестрой.

— Только представь весь этот грязный секс с незнакомцами, от которого тебе придется отказаться.

Кеке смеется.

— Именно.

Кирстен смотрит на мертвое растение на подоконнике.

— Ладно. Так значит, у тебя есть видео, на котором белый дрон доставляет бомбу?

— Не просто белый дрон. Сурродрон.

— Без разницы. Это мало что доказывает, разве не так?

— Доказывает. Объясню тебе почему. Другим дронам не позволено залетать в воздушное пространство монастыря. Их уничтожат автодетекторы. Спроси любого папарацци, пытавшегося заснять сестер.

— Ясно.

— И никто не может проникнуть в комплекс Монастыря.

— Но ты же проникла.

— Да, но мне помогал биохакер. У меня были еб*ные силиконовые отпечатки пальцев и радужки, настолько современные, что их практически еще не изобрели. Послушай, это маловероятно, ясно? Вот что я пытаюсь сказать.

— А я хочу сказать, что у тебя нихера нет.

Кеке хмурится и играется со своим бокалом.

Стук-стук-стук-стук-стук.

Кирстен права.

— От всей их секты мне тоже не по себе, — говорит Кирстен, — но где-то глубоко внутри я понимаю, что это не они. Мне кажется, у них нет мотива. Кроме того, есть более легкие… более тихие способы убить кого-либо.

— Тогда… что? Кто-то хакнул дрона извне?

Кирстен кивает.

— Это же очень даже возможно, так?

— Они должны иметь доступ к весьма продвинутым технологиям, чтобы такое провернуть.

— Так кто имеет доступ к технологии удаленного взлома и управления дроном со взрывчаткой и желает причинить зло такому невинному человеку, как Джони?

— Не думаю, что это личное, — говорит Кеке.

— Бомба, взорвавшаяся у тебя перед лицом, недостаточно

личное?

— Я хочу сказать, что любая из СурроСестер могла поднять то яйцо. Его же не подкинули ей в комнату.

— Ладно. Так значит, мы имеем дело с хакером, ненавидящим людей и изготавливающим бомбы, и который недолюбливает всех СурроСестер. Никакие колокольчики не звенят?

Кеке чешет лоб. У нее болит голова. Ей нужно пить больше воды.

— Мне кажется, я чувствую запах горелого, — шутит Кирстен, и Кеке бросается в нее своим бокалом. Кирстен ловит его.

Журналистка чувствует, что ответ близок, но сложно мыслить ясно, когда в мире творится такой хаос. В последнее время, по долгу службы она постоянно обнаруживает, что сложно прийти даже к простым выводам, потому что между точкой А и точкой Б возникает множество препятствий. Но затем ее осеняет.

— Подожди, — просит Кеке. — Мне пришла идея.

Она берет свой лэптоп и ищет группы хейтеров или угрозы, адресованные «СурроТрайб».

— Ну, это слишком легко, — говорит она, разворачивая лэптоп экраном к Кирстен. — Мы могли бы догадаться.

Кирстен с круглыми глазами читает заголовок первых десяти поисковых результатов, забыв, как дышать.

— Матерь божья.

— И не говори.

Глава 13

Суррошлюхи

— Нам нужны доказательства, — говорит Кеке.

— Это будет сложно.

— Не так уж и сложно, — возражает Кеке. — Я кое-кого знаю.

— Меня это не удивляет.

— Дрон, подложивший пасхальное яйцо… у него есть виртуальный черный ящик, так?

— Понятия не имею, — отвечает Кирстен. — Я держусь подальше от таких вещей.

Кеке закатывает глаза.

— Технозавр.

— И горжусь этим!

— Чем тут гордиться, — Кеке пожимает плечами.

— Я лишь отношусь к технологиям с подозрением, которого они заслуживают. Вот и все.

— Технологии будут развиваться все быстрее и быстрее, — говорит Кеке, — и ты не поспеешь за ними.

— Мне все равно.

— Они раздавят тебя на своем пути! Ты станешь удобрением.

— Ты снова драматизируешь, — смеется Кирстен. — С тобой не соскучишься, подруга.

Кеке печатает на тачпаде короткое сообщение Марко. Он отвечает практически сразу же.

ММ: Еще раз привет, красавица.

КК: Даже красивее Хеди Ламарр?

ММ: Ты нравишься мне больше.

КК: Сложно конкурировать с первой женщиной, изображавшей оргазм на экране.

ММ: Чуть раньше ты неплохо справилась с этой задачей.

КК: Я не изображала.

ММ: Ты лучшее, что со мной случалось.

Кеке не может сдержать улыбку.

КК: Мы знаем друг друга всего пару часов.

ММ: Нематериально.

КК: Мне нужна твоя помощь с другим делом.

ММ: Для вас, что угодно, м'леди.

КК: Если я пришлю тебе серийный номер частного дрона, ты сможешь хакнуть черный ящик и сказать мне, кто перехватил управление им?

ММ: Я постараюсь.

КК: Спасибо! Отправляю.

ММ: Отправь через «Roger».

КК: Ты дашь мне знать, что хочешь в качестве оплаты? С нетерпением жду выплаты своего долга.

ММ: Это мой долг. Вместо цветов, которые я хотел тебе сегодня отправить.

КК: О, спасибо! В любой день недели я предпочту взлом дрона цветам.

ММ: В таком случае, становится ясно, что нам суждено быть вместе.

Шестнадцать минут спустя, Марко отправляет Кеке серверный адрес того, кто перехватил управление дроном СурроСестер. Марк Аврелий явно ненастоящее имя, но оно ведет их в верном направлении, так как его беспорядочный облачный след напрямую связан с организацией, которую Кеке с Кирстен подозревают в атаке: небольшую ненавистническую группу, маскирующуюся под христианских фундаменталистов и называющих себя Воскресителями.

Кеке резко втягивает воздух. У нее есть свой опыт встречи с Воскресителями (ужасающий опыт), когда они взорвали офис «Эко. Ньюз». Кеке, работавшая допоздна, всего на несколько минут разминулась со взрывом.

Печально известная своей проваленной миссией по запрету Сети, группа с тех пор принялась за террор по отношению ко всем, кто «неуважительно относится к Иисусу». Газета «Эко» опубликовала колонку дерзкого, журналиста-сатирика, в которой он по очереди критиковал каждую главную религию, из чего можно было экстраполировать, что он находил каждого маломальски верующего недалеким. Строчка о том, что восставший из мертвых Иисус станет зомби-хиппи, которого все хотят обнять, в особенности разъярила группировку, и на следующий день — пуф! — здание взлетело на воздух. Господь поражает дерзких обозревателей.

— Получила подтверждение, — сообщает Кеке. — Это именно те, кого мы подозревали.

Кирстен бледнеет.

— Что? Ты уверена? Как ты так быстро узнала?

— Член группировки оставил множество своих грязных цифровых отпечатков. Плюс, Хакер Бой Гений знает, как проникать в ящики дронов.

— Твой новый лучший друг?

— Друг с привилегиями, — Кеке ощущает прилив тепла внизу живота. — Он все больше мне нравится.

— Забавно, — говорит Кирстен, возвращая Кеке в настоящее и вырывая ее из эротических мечтаний.

— Забавно?

— Разве не забавно, что религиозные фундаменталисты не могут держать в чистоте и святости свои личности онлайн. Они считают, что правила к ним не относятся. Считают, что им сойдет с рук что угодно, потому что Бог на их стороне.

— Социопаты, — замечает Кеке. — Или психопаты. Никогда

не знала, в чем разница.

— Мне стоило догадаться, что это их работа, когда мы впервые услышали о СурроСестре Сигма, — говорит Кирстен. — Они опубликовали кое-что на «FreeSpeech.za» пару недель назад. Написали, что лечение бесплодия — это против природы, что это работа дьявола, и назвали сестер «СурроШлюхами». Я думаю, они специально не замечают, что большинство СурроСестер девственницы. То есть для зачатия нужно лишь одно непорочное зачатие, так?

— Так.

— И они переплетают свою идеологию безумия с архаичными библейскими притчами.

— Ты их читала?

— Так далеко я не зашла. От количества восклицательных знаков у меня заболели глаза.

Кеке усмехается.

— Но прежде они не причиняли никому вреда, — говорит Кирстен. — Ведь их идеология против этого.

— «Не убий», ты об этом? — спрашивает Кирстен.

— Только если твой Бог не велит тебе это сделать. Тогда все нормально. Бомбы, огнестрельное оружие и ножи внезапно стали орудиями Господа.

— Они обезумели.

— Ну, что бы ни происходило у них в мозгах, ты была права.

— Насчет чего?

— На счет того, что это станет главной новостью. Главной! И, быть может, мы даже спасем СурроСестер.

Кеке не улыбается. Ее беспокоит сделка с матушкой Блейк, а мысль, что Воскресители конкретно нацелились на СурроСестер, более чем ужасает.

Глава 14

Бар виртуальной реальности

Кеке нужно спустить пар, так что она на пути в горячий (и сомнительный) бар виртуальной реальности. Она чуть не сошла с ума, колеблясь каждые пять минут, стоит ли ей писать статью, разоблачающую Воскресителей, как группу, ответственную за нападения на СурроСестер. С одной стороны, люди имеют право знать. Плюс, она должна быть полностью честна с собой, ей хочется сделать это ради славы. Она рисковала, пытаясь расследовать эту тайну, и будет жаль оставить эту информацию при себе. С другой стороны, она заключила сделку с Блейк и поклялась молчать. Таковым было условие ее освобождения из Монастыря, и она уверена, что, если нарушит это обещание, на нее обрушится целый шквал дерьма. Но почему они хотят

сохранить это в тайне? Конечно же, нужно привлечь к делу копов. Это правда, что зачастую толку от них нет, но…

Кеке громко вздыхает, и водитель такси бросает взгляд на ее отражение в смартзеркале заднего вида. Она чувствует, что он хочет спросить, все ли с ней в порядке, но молчит. Вероятно, не желает слышать еще одну грустную историю сегодня. Вероятно, наслушался их предостаточно до конца своей жизни. Работа таксиста, уверена Кеке, включает нечто большее. Водитель-психотерапевт. Как у бармена, парикмахера или проститутки. Есть работа, которую выполняют твои руки, а есть реальный труд: общение с теми, кто жаждет человеческого участия. Кеке ощущает легкую дрожь. Слава Сети, что она журналист.

Они подъезжают к входу, и Кеке стучит своей карточкой по внутренней стороне двери, чтобы заплатить и разблокировать ее.

— Спасибо, — говорит она, вылезая из машины, водитель кивает.

Девушка ощущает его взгляд на своем теле: стройном, сильном, одетом в модный наряд, который настолько облегает ее изгибы, что кажется вытатуированным.

Она не интроверт, но порой общение с людьми истощает. Это одна из причин, по которым она решила посетить бар виртуальной реальности. Когда на горизонте маячит такой крупный материал, ей нужно подпитать силы. Она даже надела туфли на шпильке, которые купила пять месяцев назад, но так ни разу не надевала. Ей нравится ездить на Нине, ее мотоцикле, гораздо больше, чем носить дизайнерские туфли, но сегодня вечером она планирует напиться, так что выпивка и шпильки победили. Кеке лишь надеется, что не сломает лодыжку.

Вышибала — мускулистая блондинка с короткой стрижкой — пропускает ее без колебаний, а кассир машет ей, чтобы она проходила. Нет нужды платить за вход в клуб, когда ты выглядишь как Кеке. В некоторых местах ей даже не приходится платить за выпивку. Чем привлекательнее их клиентура, тем популярнее заведение. Обе стороны в выигрыше.

Кеке прежде не бывала в подобном клубе, так что на секунду останавливается, чтобы полюбоваться местом. Два этажа, пять баров и куча танцполов. Капсулы виртуальной реальности, как предполагает Кеке, располагаются позади светящихся дверей, виднеющихся повсюду. Похоже на аркаду для взрослых. Кеке заказывает пиво в ближайшем к ней баре, у бармена, носящего желтые линзы, имитирующие глаза тигра, и выпивает предлагаемый им в качестве комплимента теневой шот. Дымящаяся голубая жидкость обжигает горло и жжет желудок. Кеке берет свою бутылку пива, истекающую конденсатом,

подмигивает бармену и направляется к капсуле.

Двери свободных кабинок светятся мигающими неоновыми огнями. Как только Кеке заходит внутрь, двери, скользя, закрываются за ней, запираются, и огни гаснут.

— Добро пожаловать в бар виртуальной реальности, — мурлычет роботизированный женский голос из аудиосистемы. — Ваша фантазия — наша работа.

Кеке колеблется. Большую часть комнаты занимают металлические штуковины: сверкающая сталь, белые панели, сенсорные датчики. Выглядит как нечто из фильма про научную фантастику. Выйдет ли она отсюда живой? Искусственный интеллект регистрирует ее сомнение.

— Когда вы будете готовы, можете раздеться и надеть костюм «Силкскин».

Журналистка расстегивает и снимает одежду, но оставляет шпильки, затем подходит к костюму дымчатого цвета и проводит по нему пальцами. Его текстура напоминает Кеке силиконовые отпечатки, которые изготовила для нее Жасмин, что напоминает ей о СурроСестрах, а уже они о предстоящей ей статье. Кеке качает головой, словно желая прояснить ее, чтобы напомнить себе, зачем она пришла сюда. Подискутировать сама с собой она может и завтра.

Кеке делает пару глотков пива, а затем надевает костюм виртуальной реальности и ложится в капсулу. Машина показывает ей при помощи издающих звуковые сигналы стрелок, куда положить руки и ноги. Как только ее тело расположено правильно, верхняя часть механизма — включая стеклянный круглый шлем — опускается и запирается, полностью изолируя Кеке внутри, что одновременно и пугает, и кажется волнительным. Это как находиться в облегающем скафандре астронавта внутри сферы. Все ее тело находится под сильным давлением, это и неприятно, и приятно одновременно.

— Вам удобно? — спрашивает голос.

— Да, — отвечает Кеке, дыша в этом стеклянном пузыре.

— Ваше артериальное давление повысилось. Это нормально для вашего первого погружения.

— Ладно, — отвечает Кеке.

— Мы посмотрим кое-что успокаивающее, пока вы не почувствуете, что готовы начинать.

Стекло шлема превращается в экран, начинает играть веселая классическая мелодия, и начинается видео с олимпиады морских свинок. Кеке наблюдает, как пушистые комочки соревнуются в шоппинг-гонке, толкая перед собой миниатюрные розовые тележки, а затем в конкурсе по поеданию овощей.

— Так-то лучше, — говорит голос.

Кеке и чувствует себя лучше. Именно в этот момент она решает, что не только напишет и опубликует статью о Воскресителях, и плевать на последствия, но еще и вернется сюда, чтобы снова посмотреть видео про морских свинок.

— Вы готовы начинать?

— Да, — отвечает Кеке.

— Пожалуйста, выберите ваше погружение.

Перед глазами появляется шесть вариантов. Экшен, приключение, комедия, эротика, ужас и романтика.

Кеке дергает рукой, чтобы выбрать из меню, и удивлена, когда ее рука свободно движется, несмотря на давящее ощущение по всему телу. Она пытается пошевелить ногами, и те тоже свободно в движении. Это невероятно странное ощущение. Кеке пару раз подпрыгивает звездочкой и не может поверить, как легко это удается. Это словно как испытывать нулевую гравитацию и экстрагравитацию одновременно, и, вероятно, единственный случай, когда ей удалось прыгать звездочкой на шпильках. Она делает пару прыжков на виртуальном полу, а затем выбирает «Эротика».

После встречи с Марко онлайн (Вчера? Позавчера? Она совсем потеряла счет времени), ей хочется секса больше обычного. Добавьте стресс последних двадцати четырех часов, и оргазм станет именно тем, что доктор прописал. Меню видоизменяется и исчезает, когда появляется новое. Оно хочет, чтобы она указала свои пристрастия.

Менаж, грязные разговорчики, V–Card, миллиардер, БДСМ, табу, ванильный секс, реальная жизнь.

Кеке испытывает соблазн выбрать «Табу», но в последнюю секунду передумывает. Она выбирает «реальную жизнь».

— Эротическое погружение «Реальная жизнь» будет означать, что вы вступите в игру с другим игроком. Вы хотите продолжить?

— Да, — говорит Кеке.

— Вы можете увидеть лица друг друга и познакомиться. Вы этого хотите?

— Нет, — отвечает Кеке.

— Пожалуйста, выберите вашу личность.

Кеке дают выбрать между шестью различными телосложениями, прическами и лицами. Она подумывает прикинуться высокой, стройной блондинкой, просто для веселья пребывания в другой роли, но передумывает. Нет ничего лучше, чем находиться в своем теле. Или, по крайней мере, в том, что приблизительно похоже на нее, глядя на свой аватар. Ее тревожит, что виртуальная реальность стала настолько

реалистичной.

Когда ее спрашивают, какой ник она хочет взять, Кеке не приходится долго думать. Она называет имя, которое у нее на уме.

— Сигма, — отвечает девушка и добавляет татуировку с этим символом на свое бедро.

Далее, она выбирает наряд и антураж (черный латексный наряд кошки и сигарный салон). Белый квадрат, в котором она стоит, превращается в классический бар с приглушенным светом, среди кожаных кушеток играет пианино. Кеке ощущает запах табачного дыма и кожи. Она глубоко вдыхает его, садясь на кушетку.

— Кто-нибудь скоро к вам присоединится, — мурлычет голос. — Мы ищем идеальное совпадение.

Кеке уже готовится откинуться на спинку и устроиться поудобнее, когда замечает кое-что уголком глаза. Мужчину у барной стойки. Он медленно поворачивается к ней лицом. На нем надето такое темное худи, что он практически сливается с фоном. Он носит прическу ирокез, а на глазах легкие тени. Он так чертовски сексуален, что она забывает, что смотрит на аватар. Мужчина неспешно направляется к ней с незамутненной страстью в глазах, посылая электрический заряд по телу Кеке. Ее заводит мысль, что они оба здесь по одной причине. Нет нужды во флирте, попытках впечатлить друг друга, трате времени на разговоры. Идеальное свидание для секса. Неудивительно, что это место практически печатает деньги.

Он подходит к ней и берет за руку, поднимая с кушетки. Его прикосновения поначалу кажутся такими странными, словно он находится в капсуле вместе с ней, и их разделяет лишь «Силкскин». Очень странное ощущение, так как девушка ожидает, что костюм притупит ощущения от его прикосновений, но происходит наоборот. Словно материал костюма — из чего бы он ни был сделан — усиливает ощущения. Он проводит пальцем вверх и вниз по ее руке, и ее пронзает молния.

«Боже правый. Если так ощущаются прикосновения его пальцев…»

Настала ее очередь приниматься за исследования. Она расстегивает его худи и прижимает ладонь к его груди, ощущая сильное и размеренное сердцебиение. Начинает расстегивать рубашку, но на полпути испытывает желание разорвать ее, так и поступает. Затем Кеке заглядывает ему в глаза, полыхающие золотом от желания. Придерживая ее одной рукой за поясницу, мужчина наклоняется, чтобы поцеловать ее. Кеке думает, что он ее поцелует, задумавшись о том, как странно это будет

ощущаться, но вместо этого мужчина наклоняется еще ниже к ее шее, лижет и кусает. Трусики Кеке промокают насквозь.

*«Бл***ть!»*

Это так странно и так возбуждает одновременено. Девушка гадает, кто он, хочет встретиться с ним в реальной жизни, в его капсуле виртуальной реальности и обменяться номерами и/или флюидами тела, потому что, гребаный ад, это ох*енно.

В его руке что-то есть: пузырек с таблетками с логотипом «Фармакс». Большим пальцем он открывает крышку и вытряхивает в другую руку две таблетки.

Наркотики не действуют в виртуальной реальности, ведь так?

«Перестань думать. Просто наслаждайся. Ты в безопасности. Просто наслаждайся».

Он кладет одну таблетку на язык, а другую предлагает ей. Она поднимает взгляд и слизывает таблетку с его ладони.

Экстази? Виагра? Блант? Лобстер? Кеке считает, что скоро узнает. Вскоре горячие пальцы начинают гладить ее по шее, спине, животу, волна тепла омывает ее внутренности. Кеке стонет от удовольствия. Похоже на опиум. На героин без головной боли.

*«Ох, бл*ть»*, — думает она, когда он снова принимается целовать ее в шею. Ее тело пылает огнем страсти к этому темному незнакомцу. Словно почувствовав, что ее клитор начинает пульсировать, и мужчина мучительно медленно принимается вести к нему руку. Кеке прижимается к телу мужчины. Да, говорит ее тело, касайся меня. Его рука находит идеальное расположение, мужчина гладит ее через костюм кошки, и все ее тело загорается от удовольствия и желания. Сочетание его губ на ее шее, его пальцев там внизу и анонимности встречи быстро подводят ее к краю. Кеке судорожно вздыхает.

Словно поняв, как близка она к оргазму, мужчина замедляет свои действия.

— Не сейчас, — шепчет он ей на ухо.

Он хочет продолжить, но Кеке не уверена, что сможет сдержаться. Флюоресцентные огни уже курсируют по ее телу, как лучи лазера, каждый нерв полыхает огнем. Она так близка к оргазму, что не может остановиться. Она стонет снова.

— Не сейчас, — повторяет мужчина, сжимая ее в своих объятиях.

Он расстегивает ее костюм кошки, в процессе покрывая поцелуями ее медную кожу, пока на девушке не остается ничего кроме нелепых туфлей и футуристичного нижнего белья, не оставляющего ничего для воображения. Его грудь раздувается от того, как глубоко он дышит.

— Боже мой, — произносит он с сияющими глазами,

разглядывая ее фигуру. — Я хочу устроить пир на твоем теле.

Он отодвигает бюстгальтер и всасывает один из затвердевших сосков. Кеке ахает от невероятного удовольствия. Мужчина подкидывает ее вверх, и девушка обвивает ногами его талию. Ее киска намокла и припухла. Кеке не помнит, когда в последний раз так отчаянно желала кого-то. Он целует ее в губы, поцелуй жаркий, жесткий и сладкий, а затем бросает Кеке на кожаную кушетку и, встав над ней, расстегивает штаны.

Еб*ть.

Как хищник он направляется к ней.

Глава 15

Погрешность

— Ты грешница, — говорит мужчина.

Кеке усмехается.

— Я не грешница. Это ты грешник. И я… не жалуюсь.

Они лежат вместе на честерфилде *(прим.: большой мягкий диван)* в виртуальном сигарном салоне.

— Твое имя, — говорит он, водя пальцем по татуировке на ее бедре. — Сигма. Восемнадцатая буква греческого алфавита. Символ означает сумму или стандартную погрешность. Так я тебя и запомню. Как погрешность.

— Кто-нибудь говорил тебе, что ты плох в постельных разговорах?

— Ничего не могу поделать. Это моя суперсила.

— Постельные разговоры — твоя суперсила? — Кеке смеется. — Прости, если мне трудно поверить.

— Математика, — говорит он. — Математика — моя суперсила. Я вижу ее повсюду. Это как рентгеновский снимок на всем, даже в виртуальной реальности. Я вижу ее в твоих роскошных бедрах, — он прижимает палец к ее нижней губе, — и твоих губах.

Кеке берет его палец в рот, посасывает, а затем отпускает, чтобы продолжить разговор.

— Ну ты и странный. Приму за комплимент.

— Это и есть комплимент. Ты права, я плох в постельных разговорах. Обычно я надолго не задерживаюсь. Но ты… любой мужчина захочет с тобой остаться.

— Я его украла, — говорит Кеке.

— Украла что?

— Имя.

Возможность назвать друг другу свои настоящие имена и обменяться контактами порхает над ними как лунный мотылек. Встреча, в конце концов, должна была быть сексом без обязательств, но когда между ними такая химия…

Проклятье. Секс был так хорош.

Мужчина наклоняется и целует ее в губы, а затем показывает на панель. Их время подходит к концу.

— Пора идти.

Она хочет спросить, увидит ли его снова, но останавливает себя. Мотылек улетает.

Кеке добирается домой в два утра, удовлетворенная, но в смятении. Она сбрасывает туфли и массирует больные ступни. Она устала, но знает, что не сможет уснуть, не тогда, когда в голове проносятся слова будущей статьи. Лучше сначала излить их на бумагу, прежде чем девушка передумает отправлять статью. Ее белая татуировка светится, так что она делает укол инсулина, а затем включает кофеварку. Делает двойную порцию и со вздохом садится за стол.

— СурроСестра Сигма, — говорит она, сидя перед ноутбуком, и слова появляются на стеклянном экране перед ней. — Автор Кекелетсо Мсиби.

Глава 16

Один белый шар

Кеке заканчивает диктовать статью, затем тратит полчаса на редактуру, слушая, как за окном поют птицы. Глубоко внутри она ощущает предчувствие — дрожь — что статья станет бомбой. Она оставляет документ открытым на экране, чтобы полюбоваться еще несколько минут, а затем прыгает в душ, чтобы смыть с себя запах старого пота, секса и кофе, а после глотает две таблетки Траникса и запивает их бутылкой Гидры. Выключает телефон и программирует ИИ в своем умном доме, чтобы он опустил затемненные ставни и выключил искусственный рассвет.

Кеке залезает на прохладный хлопок подвесной кровати и решает не включать запись снов. Она чувствует, что будет спать как убитая.

Что-то беспокоит ее. Что же? Она уже уснула? Нет. Не до конца проснулась. Не может сказать, проспала десять минут или десять часов. Кеке вылезает из постели и включает рассвет. В комнату льется розовато-желтый свет, птички снова поют: пусть даже проигрывается лишь саундтрек их пения в ее главной комнате. Кеке зевает и потягивается, во рту пересохло. Кеке выпивает остатки воды в бутылке и одевается в кожу.

Затем вспоминает про статью и резко просыпается. Ей надо перекусить и кое-куда съездить на Нине. Несмотря на то, что она может отправить статью одним кликом, Кеке хочет лично передать ее главному редактору в «Эко». Одеваясь, Кеке пританцовывает под песню, играющую в голове, и ее настроение поднимается.

Но выйдя из спальни, она останавливается, будто кто-то вылил ей на голову ведро ледяной воды. Один белый шар парит в воздухе рядом с ее лэптопом.

«Какого…»

От испуга девушка запинается и хватается за стену, чтобы не упасть.

— Добрый день, мисс Мсиби, — говорит матушка Блейк, появляясь перед взором Кеке.

С ней кто-то есть. Молодой мужчина — красивый — со сжатыми кулаками и драконьей чешуей вместо глаз.

Блейк еще на шаг приближается к Кеке, и та пятится назад по коридору.

Глаза Блейк впиваются в нее.

— Похоже, ты нарушила нашу сделку.

***

Кеке, дрожа, запрыгивает на свой байк и заводит двигатель.

— Мы всего лишь хотим поговорить! — кричит ей вслед Блейк, когда Кеке хватает лэптоп и бежит прочь из квартиры.

Может, и так, но она не хочет рисковать. Зачем старшая СурроСестра привела с собой прихвостня? Кеке ни за что не останется, чтобы это выяснить. Она нажала на тревожную кнопку, как только увидела тот жуткий белый шар. Ее охранная компания выставит их вон. Кеке не станет сама разбираться с Блейк и ее кулакастым миньоном.

Нина возвращается к жизни. Они с ревом несутся прочь с парковки на оживленные городские улицы. Слова Блейк эхом проносятся внутри шлема Кеке.

«Ты не понимаешь последствий своих действий, — сказала она. *— Некоторым вещам лучше оставаться тайной. Твои амбиции лишили тебя ума. Пострадают люди. Если ты опубликуешь эту статью, то подвергнешь СурроСестер еще большему риску».*

Но разве не пострадает еще больше людей, если она промолчит? Разве нет большей опасности в том, чтобы оставить это в тайне? Если Воскресители подняли ставки и начали причинять вред людям, их конечно же нужно остановить, пока они не вошли во вкус?

Кеке спорит с голосом Блейк в своей голове всю дорогу до здания «Эко. Ньюз». Она хочет опубликовать эту историю ради Джони и СурроСестер или же делает это для себя? Ради своих неуемных амбиций, как выразилась Блейк?

Журналистка не знает ответа, но знает, что отказывается испытывать страх, и есть лишь один единственный способ

донести это до «Трайб».

Кеке взбегает по эскалатору в «Эко», здание в стиле арт-деко, выкрашенном в пастельно-зеленый цвет, который Кирстен называет цветом фисташкового мороженого, а затем бежит по конвейерной ленте к офису Айянды. Добирается туда, запыхавшись, и шлепает по кнопке на стеклянной раздвижной двери офиса главного редактора. Айянда поднимает на нее взгляд с карандашом, зажатым в зубах, но продолжает печатать.

Кеке тяжело дышит и поднимает повыше сумку с лэптопом.

— У меня для тебя история.

Глава 17

Горящее небо

Кирстен ретуширует фотографии, которые сделала для «Роллер Ринк Инкорпорейтид». Несмотря на то, что ушла посреди рабочего процесса, она довольна снимками. Когда-то в университете, ее преподаватель по фотографии сказал ей, что у нее настолько превосходный взгляд, что она даже мертвую кошку заставит выглядеть привлекательно. Эта похвала тогда и обрадовала Кирстен и вызвала отвращение. У нее есть талант к фотографии — всегда был — но она всегда сомневалась в себе. Кирстен уверена, что это как-то связано с ее синестезией. Словно она видит вещи в другом измерении по сравнению с большинством людей и не может объяснить этого, но каким-то образом умеет выразить это посредством снимков. Ее снимки характерные, обладают текстурой и цветом, превосходящими то, каким люди видят мир.

Когда она выиграла награду «Пресс Экселленс» в прошлом году за работу по сомалийским пиратам, у нее сложилось ощущение, что она сжульничала. Она попыталась объяснить свое ощущение синдрома самозванки Кеке, но та не поняла. Кеке была рождена с геном уверенности в себе. Кирстен всегда восхищалась ее отвагой и желала быть похожей на нее, но к несчастью застряла со своей дерьмовой личностью, так что решила разыграть по максимуму те карты, что у нее есть, среди которых: неизлечимое бесплодие, странным образом работающие мозговые волны, большая лишенная вкуса пустота на месте детских воспоминаний и то, что она называет Черной дырой: зияющее ощущение пустоты в том месте, где должно находиться сердце.

— Дерьмово быть мной, — говорит она, а затем собирается с мыслями.

Мир переполняют нищета, болезни и все оттенки отчаяния, а она сидит в своей уютной квартирке, работая за своим компьютером за десять тысяч долларов, и жалуется на меланхолию.

Боже, иногда она не выносит себя.

Ее снейквоч вибрирует, вырывая из мрачного хода мыслей. От ее запястья исходит россыпь пудрово-голубых точек. Это сигнал «ОвоЭпп», сообщающий, что сегодня она может забеременеть. Учитывая сигналы ее тела, овуляция произойдет в следующие двадцать, двадцать четыре часа. Настроение повышается. По крайней мере, у нее будет секс.

Далее, ее новостная лента на изогнутом мониторе загорается новыми заголовками. Эко. новости знают, какие темы интересуют ее больше всего, и присылают самые главные из интересующих ее областей. Кирстен начинает гадать, как ей вообще довести работу до конца, если ее постоянно отвлекают.

Плохой парень, южноафриканский спринтер Уильям Сорайя установил новый олимпийский рекорд, но отрицает обвинения в респинге.

Заслуживают ли роботы прав?

Миллиардер отдал все состояние и теперь живет на улице.

На один шаг ближе к Марсу: в Азии строятся первые коммерческие пассажирские корабли.

Кирстен заинтересовала история миллиардера, так что она нажимает на стеклянный экран, и разворачивается видео. Она уже готовится нажать на кнопку «проиграть», когда слышит шум в дальнем конце апартаментов и чуть ли не подпрыгивает на стуле. Она уверена, что заперла дверь, когда заходила. Уверена. Почти уверена.

*Ох, бл*ть, она не заперла дверь?*

Ее пульс отдается пурпурной рябью в ушах, а в кровь выстреливают острые желтые звезды адреналина. Кто-то проник в ее дом. Девушка инстинктивно хватается за грудь, чтобы унять сердцебиение и не дать сердцу выпрыгнуть через горло.

*Бл*ть, бл*ть, бл*ть.*

На ее связке ключей находится тревожная кнопка, вот только сами ключи висят у двери. Она отправится за ними или же спрячется в шкафу? Но минуту стоит тишина, затем вторую, а к третьей минуте, Кирстен убеждает себя, что первоначальный шум ей померещился. Это же лишь бумага шелестела, так? Или упал кусок отделки. Предметы движутся даже в пустом доме. Мир вовсе не стабилен. Кирстен всегда знала, что опасность ближе, чем все думают. Всю жизнь ждала, что та станет явью. Возможно, момент настал.

Кирстен медленно крадется на цыпочках, навострив все чувства, к комнате для гостей, взяв с кухонного стола нож. Она не будет прятаться. Это ее, бл*ть, дом. Никто не имеет права приходить сюда и пугать ее.

Она сошла с ума? Возможно. Но отчасти ей просто хочется положить этому конец. Кирстен покрепче сжимает нож. Ее сердце стучит так громко, что она видит перед собой пульсирующие фигуры.

Кирстен подкрадывается к тому месту, откуда, вроде бы, доносится шум. Она вооружена и готова атаковать нарушителя, но, когда она заглядывает за угол и смотрит на дверь, видит, что там стоит Джеймс. Она испытывает облегчение, но сердце по-прежнему пытается пробить грудную клетку.

Она делает глубокий вдох и опускает нож. Прикладывает руку к груди.

— Привет.

Джеймс вздрагивает и оборачивается.

— Боже. Ты напугала меня до смерти!

Он быстро убирает что-то белое в свою медицинскую сумку.

— Это ты напугал меня до смерти. Ты должен быть в Зимбабве. Я ждала тебя лишь завтра вечером! Я чуть не зарезала тебя ножом, подаренным на нашу годовщину.

— Я все еще не успокоился по этому поводу.

— Он очень дорогой. Я думала, он тебе понравится.

— Он мне нравится. Просто это странный подарок на годовщину, вот и все.

— Этот нож изготовлен из металла. Именно то, что нужно дарить на десятую годовщину.

— Обработанный инструментом с высокой точностью, острый, как бритва, металл, — Джеймс улыбается. — Какое-то время мне приходилось спать с одним открытым глазом.

Кирстен смеется, несмотря на то, что из-за адреналина ее руки и ноги онемели.

— Глупыш.

— Ты… не собираешься опустить этот нож?

Кирстен смотрит на блестящее лезвие, а затем кладет его на книжную полку. Чуть выше, размещено винтажное издание «Гензеля и Гретель».

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Кирстен.

— В клинике почти закончились припасы, — говорит он, ероша свои мягкие светлые волосы. — Я сел на ранний рейс. Прежде чем вернусь обратно, мне нужно попросить о финансировании несколько корпораций в Джози.

Джеймс детский кардиохирург, который выглядит, как модель нижнего белья. Ему совсем не сложно добиться согласия на финансирование.

— То есть, что ты делаешь в комнате для гостей?

Он засунул в свою медицинскую сумку бумажный конверт,

когда она вошла в комнату? Девушка хочет знать. Любопытство не даст ей покоя.

— А, ничего, — отвечает Джеймс, качая головой и приближаясь, чтобы притянуть ее в свои объятия. От него пахнет черствыми булочками, горячими полотенцами и антисептиком для рук. Ароматом, распыляемым в салоне самолетов «Eau de Plane Cabin». Но все равно вкусно. От него всегда вкусно пахнет.

— Ну, ты не мог выбрать времени лучше.

Кирстен показывает ему уведомление «ОвоЭпп» на своем снейквоч.

— Ну, — говорит он, — в таком случае…

Джеймс начинает задирать ее футболку.

— Но ты только вернулся, — удивляется Кирстен, поднимая руки. — Ты не устал?

— Совсем не устал, — отвечает он, снимая с нее футболку.

Если бы она знала, что он приедет пораньше, и у них будет секс, она бы надела красивый бюстгальтер. Может быть, даже соответствующие трусики. По меньшей мере, расчесалась бы и приняла душ.

— Дай я по-быстрому схожу в душ, — просит она.

— О, нет. Ты идеальна. Я хочу тебя такой, какая ты есть.

Он запускает пальцы в ее волосы, гладит кожу на голове и целует в губы. Она расстегивает его ремень. Мужчина толкает ее к стене.

Целоваться с Джеймсом всегда оранжево: разных оттенков оранжевого, в зависимости от настроения поцелуя. Поцелуи за завтраком обычно цвета лютиков, поцелуи во время секса цвета горящего неба, также поцелуи бывают любящими, дружескими, сердитыми, виноватыми (Пыльца, полированная сосна, резиновая уточка, куркума). Его энергетика теплая желто-оранжево-рубиновая, сладкая, с острым эхо. Мармелад Джеймс.

Кто-то звонит в дверь.

— Ар-р-р, — произносит Джеймс.

— Просто не обращай внимания, — говорит Кирстен, отбрасывая ногой свои джинсы. Она хочет воспользоваться преимуществами необычной для Джеймса спонтанности. — Наверное, это уборщик.

— На третьем этаже?

— Кто бы это ни был, он может вернуться позже.

Они снова целуются. Джеймс поддевает ее трусики большими пальцами и начинает спускать их вниз по покрывшимся мурашками бедрам Кирстен. Он собирается трахнуть ее прямо здесь, думает Кирстен, и по ее телу волнами распространяется тепло (Озеро Похоть).

Звонок звенит снова, и Джеймс со вздохом отстраняется.

Кирстен поворачивается к входной двери.

— Уходите! — полушепчет, полукричит она и трясет кулаком. — У меня овуляция!

Джеймс смеется.

Кирстен не стоило шутить, когда они одновременно понимают, что момент ушел. Они неловко улыбаются друг другу и возвращают одежду на место.

Мармелад идет открывать дверь, а Кирстен застегивает джинсы, ощущая пульсацию между ног.

Боже, не дают девушке расслабиться.

На ее снейквоч поступает звонок, и Кирстен испытывает соблазн проигнорировать его — почему люди просто не могут оставить ее в покое? — но затем она вспоминает, что прошлой ночью ее мать в панике позвонила ей и сказала, что им срочно нужно поговорить, но не по телефону.

Глава 18

Вампирские подтяжки

Кеке взбудоражена после того, как отдала свою историю Эко. Спускаясь по эскалатору, она убеждает себя, что приняла верное решение, но вина тянется к ней своими липкими пальцами. Ее мысли в полном сумбуре, мечутся от воспоминаний о незнакомце с накрашенными тенями глазами в баре виртуальной реальности к мысли о группе Воскресителей в капюшонах с их фирменными блестящими пластиковыми масками с изображением Иисуса Христа и к воспоминании о белом шаре в ее квартире. Ей нужно унять тревогу, или ей станет дурно.

Девушка подумывает совершить на Нине долгую прогулку. Превысить отметку в 140 километров в час под «The King», играющий в шлеме. Объехать весь Йобург, или, быть может, вообще на время покинуть город: она может оказаться в Магалисбурге через пару часов.

«Кого я пытаюсь обмануть? Какого хрена я буду делать в Магалисбурге?»

Так что Кеке оставляет Нину на подземной парковке здания «Эко» и отправляется гулять. Поблизости есть парк — проект по городскому озеленению. «Городской лист». Он нужен просто, чтобы распихать деньги по карманам: Йоханнесбург уже считается самым зеленым городом в мире.

Это лишь способ для Нэнси выиграть переоцененные тендеры для своих друзей, жаловалась она Кирстен.

«Ну и пусть выигрывают свои тендеры, — ответила Кирстен. — *Лучше деревья, чем оружие».*

«Ты считаешь, что деревья нам нужны больше оружия? Ты что

не следишь за гонкой вооружения в северном полушарии?»

Кирстен пожала плечами. Пусть строят свои ракеты. У нас есть воздух. Мы хотя бы сможем дышать.

Слова Кирстен преследуют Кеке, когда она находит парк и садится на парящую скамейку. У нее колотится сердце. Небо кажется ей слишком синим, а трава кричаще зеленой. Нервы будто бы усиливают яркость окружающих ее предметов и заставляют ее дрожать внутри. Таким Кирстен видит мир день изо дня? Кеке сошла бы с ума. Она глубоко дышит, ощущая нарастающую паническую атаку, пытается удержать ее хотя бы на секунду. Та отступает, и девушке снова удается мыслить ясно. Солнце сильно греет ее кожаные леггинсы.

Мысль о том, что она погналась за своими амбициями, не взирая на безопасность СурроСестер, тревожит Кеке. Она бросает взгляд на поляну ирисов и приходит к мысли, что ей нужно отправить Джони цветы. Даже если это не смягчит вину, может поднять Джони настроение, ведь в той палате ее окружает лишь один белый цвет, вокруг постели нет ни друзей, ни семьи, ей некого подержать за руку. Не стоит ни букета, ни корзинки с чем-нибудь вкусным.

Жасмин берет трубку с третьего гудка.

— Привет, моя FlowerGrrl, — говорит Кеке, вставая.

Жасмин отвечает приглушенным голосом.

— Ты приедешь сегодня вечером?

— Боюсь, что я звоню по делу.

— А. В таком случае, оденусь обратно.

— Дразнишься.

Секундная тишина, момент, когда они ощущают привязанность к друг другу. Затем Кеке слышит шум какого-то аппарата, работающего на заднем фоне, что-то крутится и щелкает.

— Так что за дело? — спрашивает Жасмин.

— Так ерунда. Ты можешь отправить вместо меня цветы в Клинику лечения бесплодия? Анонимно? Я отправлю тебе детали и переведу деньги, просто дай знать, во сколько это обойдется.

— Ах, прости, вообще-то не могу. Сегодня я не в «Пыльце». Кейл присматривает за магазином, а она понятия не имеет, как собрать нормальную композицию.

Кеке пинает траву и прислоняется спиной к дереву.

— Нет проблем. Забудь. Это неважно.

— Можешь обратиться в «FloristDrone».

— Так и сделаю. Спасибо. Почему ты не в «Пыльце»? Работаешь над новым изобретением?

Жасмин молчит, а затем тихим голосом отвечает.

— На самом деле, я под прикрытием.

— О. Мне нравится, как это звучит. Что-то интересное?

— Я пытаюсь понять, как разогнать кровь, чтобы отделить стволовые клетки.

— Теперь жалею, что спросила.

— На самом деле, это очень интересно.

— Не сомневаюсь.

— Дай мне парочку дней, и у меня может появиться очень… любопытный материал для тебя.

— Если ты поделишься со мной историей, — говорит Кеке, — тогда позволь мне хотя бы помочь тебе. Тебе нужна помощь?

— Ты уже выполнила свою часть сделки. Твоя последняя наводка и есть причина, по которой я играюсь с кровью.

— Даже не стану спрашивать, чьей кровью.

— Невинной девственницы, которую я зарезала специально для этого.

Кеке усмехается.

— С тебя станется.

— Кстати, говоря о невинных девственницах… как продвигаются дела с СурроСестрами?

— Твои поделки были безупречны. Спасибо.

Пауза в разговоре, пока Жасмин ждет, что Кеке продолжит, но, когда та не углубляется в тему, Жасмин решает не давить. Будучи всегда любезной, она ловко меняет тему разговора.

— Пока мы говорим об этих скучных девственницах… я подумала, что тебя это заинтересует.

Кеке снова слышит шум аппарата.

— То, чем я занимаюсь… или учусь заниматься… называется вампирской подтяжкой лица.

— Чего-чего?

— Потому что ты берешь кровь клиента, вращаешь ее в центрифуге, чтобы отделить тромбоциты, а затем вкалываешь им в лицо.

— Срань господня.

— И это только начало. Удивительно, что только люди не готовы вколоть себе в лицо. И они практически швыряются в тебя деньгами, чтобы ты это сделала. Может, я действительно займусь этой работой.

— Ну, если кто и может сделать из кого секси вампирш, так это ты.

Глава 19
Снимок шока

— Алло?

На линии тишина. Кирстен видит номер звонящего.

Мама.

Она слышит, как Джеймс закрывает входную дверь и идет к ней. Шелест его носков по сосновому полу едва слышен, но Кирстен все равно замечает этот звук, похожий на момент, когда лампочка только тухнет. Она моргает, чтобы прояснить зрение.

— Какая ирония, — говорит он, нахально улыбаясь.

— Ты о чем?

Он передает ей посылку, которую только что получил. Увесистую коробку с полосками тестов на беременность.

— Ха-ха, — произносит Кирстен, сопротивляясь желанию сделать «покерфейс»

— Мне не смешно, — говорит Джеймс и игриво тискает ее за попу.

Поверь, мне тоже.

— Кто звонил?

— Моя мама.

Кирстен пытается ей перезвонить, но никто не берет трубку.

У нее появляется дурное предчувствие. В животе образуется штормовая туча.

— Что-то не так. Я это чувствую. Я поеду к ней.

— Я поеду с тобой.

— Нет, не надо. Тебе нужно заняться делами.

Сеть знает, как ей хочется, чтобы он составил компанию: ей всегда сложно видеться с родителями, особенно теперь, когда у мамы начался ранний Альцгеймер, но впервые она решает не быть эгоисткой. Деткам с проблемами с сердцем Мармелад нужен больше, чем ей.

***

Когда Кирстен прибывает на место, серая туча в ее животе становится все темнее и начинает полыхать молниями. Что-то определенно не так. Она идет по подъездной дороге, и цвет стен напоминает ей о долгих, тяжелых днях (Старая Печаль), которые на вкус как пепел. Она никогда не была близка с родителями. Или, скорее, они никогда не были близки с ней. Она пыталась сформировать между ними эмоциональную связь, но, казалось, что они живут своими жизнями за холодной стеклянной стеной.

— Мама? — зовет она, когда они не открывают дверь после звонка в дверь. Замок сломан? Его выломали? Она не может понять.

Она подталкивает входную дверь снизу носком кроссовки, и та со скрипом отворяется.

— Мама? Папа?

Кирстен открывает дверь достаточно, чтобы скользнуть внутрь, она готовится отправиться на кухню, но останавливается на ходу, когда попадает в гостиную.

Она чувствует, как земля уходит из-под ног. Все цвета пузырятся и взрываются перед глазами, смешиваются вместе, пока все, что она знает, не заливает ужасной огненной цветастой лавой.

— Нет, — говорит она. — Нет, нет, нет.

Ее тело превращается в снимок шока.

Комнату перевернули вверх-дном. Опрокинули мебель, вырвали ящики и бросили на пол. Сервировочный столик стоит с распахнутыми дверцами, похожими на широко открытый рот, словно он тоже в шоке. На ковре перед ней лежат ее мать и отец, бледные, словно восковые.

Кадмиевый желтый курсирует по телу Кирстен. Она слышит, что у нее гипервентиляция легких, но чувствует себя слишком отделенной от тела, чтобы хоть как-то ее контролировать. Это действительно происходит? Она не спит, потому как сны ощущаются другими на вкус.

Она делает шаг назад и вскрикивает, чуть не упав. Резко выбрасывает руки и цепляется за стул, чтобы не упасть. Ноги немеют. В пересохшем рту ощущается кислый вкус.

Ее мать, никогда не бывшая набожной, сложила руки, перевязанные черной кабельной стяжкой, в жесте молитвы. На ее лбу виднеется небольшая дыра, а на месте сердца отца большое красное пятно.

Бах, бах. Пуля в голову, другая в сердце. Одна, чтобы остановить мысли, вторая, чтобы прекратить чувства.

Они оба лежат на боку, уткнувшись мертвыми лицами в ковер, бежевый и полинявший за исключением пятен от крови (Малиновые кометы).

Пузырящаяся лава поднимается изнутри Кирстен, она больше не может ее сдерживать. Она выбегает из дома и блюет в засохшем саду.

Глава 20

Призрачный ребенок

Присутствие на похоронах ее родителей кажется ей сюрреалистичным до невозможности. Кеке держит Кирстен за правую руку, а Джеймс за левую. Неуклюжая толпа из тридцати или около того людей собирается вокруг двух гробов. Супербиоразлагаемых, заверил ее директор похоронного бюро, как будто ей есть до этого дело. Как будто ей хоть до чего-то теперь есть дело, когда ее жизнь стала такой же пустой, как опорожненный мочевой пузырь. Что в ней есть такого, что никак

не сочетается с жизнью? Она будто бездонная яма, размагнитившийся магнит, темный вакуум.

Словно ее Черная дыра ожила и поглотила ее целиком, и поглотила людей, которых она любит тоже. Есть лишь ничто, и Кирстен не уверена, что сможет это вынести. Сегодня, ее цвета исчезли.

Ее родители не хотели бы консервативную церемонию, в конце концов, они оба были учеными. Кроме того, никто больше не проводит религиозные церемонии, за исключением нищих и евангелических культистов. Джеймс нашел это место и организовал похороны в рекордные сроки. Он все сделал, пока Кирстен лежала в прострации на постели, не желая разговоров и прикосновений.

Это называется погребением «Биокупол или капсула с деревом», хоть Кирстен и не заметила никаких куполов или капсул. Наверное, просто вымогательство денег, думает она, и горечь проникает в ее мысли, как загрязнение в воздух. Они, скорее всего, просто выкинут тела на какую-нибудь помойку или продадут их на запчасти, все это время прячась за яркими суперзелеными 4D-HD анимациями. А доверчивые люди уйдут, веря, что их любимых положили рядом с деревом в каком-нибудь гигантском биокуполе с удобрением, когда на самом деле они лежат в кладовой мясника, дожидаясь очереди на расчленение.

— Ты должна поплакать, — сказал ей Джеймс. — Лучше не держать это в себе.

«Пошел ты», — хотелось сказать ей, но она промолчала.

— Это отравит тебя», — сказал он.

«Он не понимает, что меня не отравить. Он не понимает, что я и есть яд».

Круглый постамент, на котором стоят гробы, начинает опускаться, под ним открывается большая круглая дыра, и земля поглощает то, что ей дарят. И вот так просто, ее родители исчезают из комнаты. Как будто их никогда и не было. Мужчина в гавайской рубашке промокает глаза.

— Ты должна поплакать, — сказал Мармелад.

Он не понимает, что одна из причин, почему ее это так бесит, это то, что она даже не чувствует горя. Едва и не так, как полагается. Не такое горе, которое ты должна испытывать, когда твоих родителей хладнокровно убили в собственной гостиной.

Да, ей грустно, за себя и за них, ей грустно, что они не смогут насладиться пенсией после того, как были трудоголиками всю жизнь. Ей грустно, что она никогда не ощущала с ними прочных семейных уз, о которых мечтала, пока росла. Ее всегда это угнетало, а теперь будет угнетать еще больше. Горе, к которому у

нее нет сил прикоснуться, маячит на окраине ее периферического зрения. Как призрачный ребенок, выдувающий фантомные пузыри, которые исчезают, когда ты на них посмотришь. Дымная струйка страха. Серое сердце, растворяющееся в пустоте.

Глава 21

Отскакивают от сердца

Кеке сидит рядом со своей лучшей подругой, держа ее за руку. Взгляд Кирстен странный и пустой, будто ее на самом деле здесь нет. Директор «ТриПод» самодовольно улыбается. Он невысокий, бездушный мужчина, у которого под бледной кожей змеями вьются зеленые вены. Все в этом здании холодное и стерильное. Кеке ежится.

— Мы сообщим вам, как только деревья посадят, — говорит он. — Вы сможете приходить так часто, как пожелаете.

Джеймс выбрал фруктовые деревья, Кеке не помнит какие.

— Я скоро вернусь, — говорит Джеймс и отводит директора в сторонку, чтобы тихо поговорить. Они покидают комнату. Кеке переводит внимание на Кирстен.

— Знаю, что на этот вопрос сложно ответить, но… как ты?

Кирстен лишь смотрит прямо перед собой.

— Котенок, — говорит Кеке, поворачивая лицо Кирстен к себе. — Земля вызывает Котенка.

Она моргает, и ее взгляд становится осмысленным.

— Прости, я…

— Не извиняйся. Проклятье, женщина. Я так за тебя переживаю!

— Я в порядке.

— Ты не в порядке.

— В порядке. Правда.

В комнату залетает прохладный, очищенный воздух.

Кеке хочет сказать: *«Твою мать, я не могу поверить, что это ты нашла еб*ные тела!»*, но передумывает. Пытается быть более чуткой.

— От тебя ничем не пахнет, — говорит Кирстен.

— Что?

Кирстен делает глубокий вдох и тяжело вздыхает.

— Обычно тебя окружает облако кожи и мускатного ореха. Меня успокаивает этот запах. Одна из тех вещей, которые я в тебе люблю. Сейчас запах ушел. Все ощущается монохромным.

— Ты под… чем-то?

Кирстен смотрит на нее, хлопая ресницами.

— Да.

— Под чем?

— Не знаю. Джеймс дал мне что-то этим утром.

— Еще одно преимущество быть замужем за врачом.

— Мы не женаты.

— А кто вообще теперь женится?

— Мои родители были женаты.

— Это всегда казалось странным, тебе не кажется?

— Что? Быть женатыми? Вообще-то нет. Это нормально для их поколения.

— Нет, я имею в виду… они никогда не казались влюбленными друг в друга, я права?

Вопрос может показаться неподобающим, учитывая время, но Кеке догадывается, что честность вытащит Кирстен из этого состояния. Все ожидаемые банальности, сочувственные улыбки, клише, искренние соболезнования, они не могут коснуться души. Они отскакивают от сердца и падают, выбрасываются, как использованные носовые платки. Но настоящий вопрос пробьет эту броню, от искренности спасения нет.

Кирстен снова смотрит на нее и хлопает ресницами, словно вспоминает, кто она.

— Они были эмоционально закрытыми. Как по отношению ко мне, так и друг к другу.

Кеке кивает.

— И они не то чтобы отдалились, понимаешь? Я не помню, чтобы они когда-либо были близки.

— Мне очень жаль.

Кирстен сжимает челюсти и крутит кольцо на пальце.

— Мне нужна твоя помощь.

Кеке, не колеблясь, отзывается.

— Только прикажи.

— Они ничего мне не говорят. Копы. Каждый раз, как я им звоню, они повторяют одно и то же. Что идет расследование, и они сообщат мне, когда что-либо выяснят. Но я знаю, это неправда. Они словно сомкнули ряды и никогда не подпустят меня к правде.

— Ублюдки.

— Но я должна знать. Я должна знать, что произошло. Почему это произошло.

— Конечно. Я посмотрю, что можно сделать.

К щекам Кирстен приливает краска. Кеке ожидает, что подруга заплачет, но Кирстен не плачет.

Глава 22

Список

Бетти издалека наблюдает за тем, как толпа, пришедшая на похороны, покидает здание. Она потеет, потеет, всегда потеет, несмотря на защиту от раскаленного солнца, которую

предоставляет ей сень дерева. Ее крем с SPF100 стекает вниз по щекам. Однажды они решат поиграть с погодой, и солнце просто взорвется и убьет их всех.

— Что вы здесь делаете?

Голос мужчины пугает ее, ускоряя и без того бешеный пульс.

— Боже!

Она кашляет от испуга и стучит по груди кулаком с побелевшими костяшками.

— Вы меня напугали.

Джеймс не извиняется.

— Вам сюда нельзя.

Он одет в темный костюм и носит элегантную стрижку.

Бетти пытается избавиться от сухости во рту. От тревожного кома в горле.

— Я пыталась отправить Кейт письма. Мне кажется, она их не получила.

— Ее зовут Кирстен.

— Она должна знать.

— Нет. Ее нужно защитить от ваших параноидальных заблуждений.

— Вы не видите? Вы не видите, что происходит?

Джеймс сжимает челюсти.

— Пожалуйста, уходите.

— Они закрывают ячейку!

Джеймс озирается вокруг, возможно, надеясь, что никто не увидит их за разговором.

— Я уже просил вас оставить нас в покое…

— Иисусе. Вы не слышите, что я говорю? Мы в списке. Они убьют нас всех!

— Нет. Родителей Кирстен убили во время ограбления.

У Бетти перехватывает дыхание.

— Я знаю, вы в это не верите.

Она вытирает пот, выступивший на висках.

— Послушайте, — говорит Джеймс. — Я знаю, что у вас есть кое-какие… проблемы со здоровьем.

Бетти шипит на него сквозь сжатые зубы.

— Вы следили за мной. Я знала, что кто-то следит за мной.

— Нет. «Пропаг8» сделало заявление в научном журнале, вот и все. Они сообщили, что предоставили вам перерыв по болезни. Ваши работы известны, нравится вам это или нет.

— Не пытайтесь выкрутиться.

— Я и не пытаюсь. Я… предлагаю помощь.

— Вы пытаетесь подкупить меня. Заставить молчать.

Джеймс качает головой и ерошит свои мягкие светлые

волосы. Он впивается в нее взглядом.

— Пожалуйста, Бетти.

— Бетти — Барбара, — говорит она. — Кирстен — Кейт.

— Кирстен многое пережила. Пожалуйста, не усложняйте ее жизнь еще больше.

Он поворачивается к ней спиной и идет обратно к зданию «ТриПод».

— Скольким, Джеймс? — бросает она ему вслед.

Он останавливается и оборачивается. На его лице раздражение.

— Что?

— Скольким людям придется умереть, прежде чем вы обратите на это внимание?

Глава 23

Молния посреди бела дня

Кеке спешит в центральный деловой район. Она начнет с того, что поищет полицейские отчеты в деле об убийстве родителей Кирстен. Описание сцены преступления, результаты вскрытия, возможные зацепки. Она уже отправила «бамп» Марко и спросила его, сможет ли он помочь. К счастью, он ответил да. К счастью, они скоро встретятся, чтобы проверить также ли хороша реальная химия между ними, как и их киберфлирт. Она нервничает.

Ее мысли прерывает телефон — который она спрятала в лифчике — он вибрирует от полученного сообщения. Ее шлем читает сообщение для нее.

Sigma> Привет, Кеке. Ты все еще хочешь то интервью?

Кеке диктует ответ.

КК> Это Джони?

Sigma> Буду рада с тобой пообщаться. Мне есть, что рассказать. Ты заедешь?

Кеке проверяет время на дисплее. 14:23. Клиника в десяти минутах езды.

КК> 14:30?

Sigma> Тогда увидимся.

Обмен сообщениями напоминает Кеке о цветочной композиции, которую она заказала для Джони. Кеке просит свой телефон проверить статус доставки.

Ваш подарок в пути! Отвечает страница со статусами доставки сайта «FloristDrone».

«Отлично, — думает Кеке. — *Мне нравится жить в будущем».*

***

Кеке приезжает к клинике лечения бесплодия под рев горячих шин по асфальту. В этот раз, так как ее пригласили, она входит через главный вход. Девушка паркуется и бежит к широким ступеням у подножия здания. Телефон вибрирует в кармане куртки, и она останавливается, чтобы узнать, кто звонит. «FloristDrone».

«Ваш подарок был доставлен!» — гласит сообщение. 14:32.

Кеке поднимает взгляд, пытается отгадать, за каким окном находится Джони, и, как только она это делает, раздается взрыв и яркая бело-желтая вспышка. Здания трясется. Кеке ахает и инстинктивно пригибается, готовится упасть на землю и перекатиться, но взрывов больше нет. Дым идет из разбитой оконной рамы. Наблюдая за серым шлейфом дыма, поднимающимся в небо, Кеке инстинктивно понимает, что Джони мертва, а статья, которую она отправила, тому причина.

Это знание бьет ее под дых. Воздух покидает ее легкие. Пожарная сигнализация в клинике кричит на нее, люди покидают исходящее дымом здание. Им нет нужды беспокоиться. Больше взрывов не будет. Воскресители устранили свою цель.

Кеке понимает, что «бамп» об интервью, который она получила, был не от Джони, они пытались завлечь ее сюда. Должно быть, взломали телефон Джони. Они хотели, чтобы Кеке тоже умерла? Или лишь стала свидетелем?

Журналистка думает о том, какой юной была Джони, какой невинной, и боль в груди на секунду заставляет ее пожелать оказаться в той комнате, когда цветы детонировали.

Сирены экстренных служб жужжат как сердитые пчелы в ее голове. Полицейская машина с визгом залетает на парковку, а Кеке, все еще дрожа, бежит к своему байку и запрыгивает на него, преследуемая мигающими синими огнями. Кеке надувает шлем, находит просвет между машинами и с ревом уносится прочь.

Полицейская машина с кричащей сиреной резко прибавляет скорость, следуя в ее направлении.

Кеке выезжает на мотоцикле с парковки перед клиникой на служебную дорогу.

— Остановите транспортное средство, — произносит роботизированный голос из динамика полицейской машины. — Остановите ваше транспортное средство.

*«Ага, бл*ть».*

Кеке чувствует, что ее подставили, и она ни за что не станет размахивать огромным белым флагом, если это значит, что ее посадят за то, чего она не совершала.

— Тормозите немедленно, — говорит машина, набирая скорость за ее спиной.

Кеке жмет на газ и летит вперед. Еще одна полицейская машина присоединяется к погоне. Они пытаются взять ее в тиски, но когда оказываются близко, девушка выезжает со служебной дороги на обычную, ныряя между общественными такси, тук-туктами и лоточниками, продающими истекающие конденсатом бутылки с «Синнаколой». Кеке выезжает на центральный остров, заставляя пешеходов и нелегальных торгашей разбегаться с ее пути, когда она молнией проносится по тротуару. Ярко-оранжевые мандарины рассыпаются по дороге, солнечные очки валятся на встречку. Машины сигналят и мигают. Кеке возвращает Нину обратно на дорогу, проложив между ней и свиньями сотню метров, а затем две. Испытав облегчение, она слегка замедляется и по-быстрому оглядывается назад, а когда возвращает внимание на дорогу впереди, видит появившуюся из ниоткуда полицейскую машину, выехавшую прямо перед ее байком.

Все мысли в голове Кеке исчезают, когда верх берут инстинкты и мышечная память. Она быстро дышит, в кровь выстреливает холодный адреналин. Девушка усиливает хватку на ручках и огибает препятствие, едва с ним разминувшись.

Но нет времени на триумф, так как, объехав полицейскую машину, она поворачивает, чтобы вернуться на дорогу, но от нервов ее руки слегка немеют, она поворачивает слишком сильно, и ее байк виляет. Кеке пытается удержать контроль, прижимаются к мотоциклу всем телом и пытается выровнять управление, успокоить Нину, как напуганную лошадь, и, когда она уже думает, что это сработало, в воздухе слышится треск, как молния посреди бела дня, и Нина вылетает из-под нее, с грохотом сбросив Кеке на расплавленный асфальт.

Глава 24

Медные умные наручники

Кеке встает, готовясь бежать несмотря на шок и боль, поющую в костях, но Соларис встает перед ней, как плохой супергерой с широкой грудью и с огромным электрошокером.

— Даже не думайте об этом, — говорит детектив.

Кеке, прищурившись, смотрит на него. Солнечный свет слишком ярок для ее глаз. Затем она смотрит на Нину, лежащую на боку с взорвавшейся задней шиной.

— Вот ублюдок.

— Вы пытались сбежать с места преступления. И чего вы ожидали?

— Я не думала, что вы попытаетесь убить меня нахер.

Соларис бросает взгляд на Нину.

— Что? Вы о мотоцикле?

Кеке так зла на него, что ей хочется плюнуть ему в рожу и выцарапать глаза.

Соларис пожимает плечами.

— Стрелял не я. Один из наших чрезмерно усердных ребятушек с тазерами это сделал.

Офицер, проводящий арест, груб с ней. Он обыскивает ее на предмет оружия, но, когда его руки уже поднимаются к ее груди, Кеке бросает на него взгляд, говорящий «Не смей».

У нее болят запястья в том месте, куда вонзаются медные смарт наручники.

— Полегче, — говорит Кеке.

— Полегче? — спрашивает он, усмехаясь. — Ты думаешь, охрана в исправительной колонии будет с тобой нежнее? Ты хоть знаешь, что это за место?

Запрещенные фотографии мелькают в ее голове. Она ни за что не хочет отправиться в Крим-колонию. Ни за что. Она скорее станет еще одной единицей в статистике смертей от суицидальной болезни, чем будет так жить.

— Кому-то придется забрать мой байк.

— Мы с этим разберемся.

— Пожалуйста, будьте аккуратнее.

Он невесело смеется.

— Тебе повезет, если он не отправится на свалку.

— Только попробуйте, — предупреждает Кеке, ощущая гнев. Она проводит саднящими руками по своему телу, ощупывая уязвимые места, и пытается оценить степень повреждений. Конечно же, больнее всего то, что Джони мертва, и это ее вина.

— Вы пострадали? — спрашивает Соларис.

— А вы как думаете?

— Прекратите себя так вести. Я пытаюсь вам помочь.

— Ну конечно.

— Я серьезно.

— Вам нужно пройти со мной, — говорит он.

— Нет, спасибо.

— Это не приглашение. Вы под арестом.

— Чушь какая-то. Покажите мне ордер.

— Он скоро будет.

Кеке вздрагивает.

Это действительно происходит?

— Вы же знаете, что я не сделала ничего дурного.

— Я знаю лишь, что мне приказали привезти вас.

— Кто приказал?

— Друг.

Кеке фыркает.

— У вас нет друзей.

— Я имею в виду не своего друга, а вашего.

У Кеке в голове не укладывается. Что происходит?

— Пошлите, — говорит он. — Пойдемте со мной, я удостоверюсь, что о вашем байке позаботятся.

Он подталкивает ее к заднему сидению своего внедорожника и застегивает на ней ремень безопасности. Его большое лицо всего в паре дюймов от ее, и она ощущает запах мяты и кофе в его дыхании.

— Я этого не делала, — говорит Кеке.

— Как оригинально, — отвечает детектив Соларис, и Кеке хочется ударить его по огромной роже. Он захлопывает дверь и садится на водительское сидение, заводит двигатель.

— Зачем мне убивать ту, кто помог бы мне расследовать это дело? — спрашивает Кеке.

— Вот это я и попытаюсь выяснить.

— Брехня, и вы это знаете.

Соларис поворачивается, чтобы посмотреть на нее.

— Есть много тяжелых улик.

— Да ладно, Соларис. Вы же не глупый коп.

Они оба знают, что это неправда, но от отчаяния чего только не скажешь.

— Вы же знаете, что это сделали Воскресители, так?

В его взгляде мелькает шок, но он почти сразу восстанавливает самообладание.

— Я лишь знаю, мисс Мсиби, что взрывное устройство находилось в подарке, который вы отправили жертве.

— Это была доставка дроном!

— Заказ ваш. Доставка ваша. ДНК ваша.

Что?

В жилах Кеке стынет кровь.

— Что?

— Вы думали, что взрыв уничтожит доказательства? Ваша ДНК в той комнате повсюду.

Глава 25

Кружки и вздохи

Холодный воздух комнаты допроса вызывает волну мурашек на коже Кеке. По приказу Солариса, ее с силой швыряют на

холодный металлический стул. Она упирается взглядом в четвертую стену, представляющую собой матовое затонированное суперстекло от пола до потолка, и гадает, кто за ним скрывается.

Кеке ощущает дурноту. Вина и ужас образуют водоворот внутри нее, а пальцы покалывает иголками. Кеке дрожит, покрытая холодным потом.

— Вы плохо выглядите, — замечает Соларис. — Я договорился, чтобы в вашу камеру принесли инсулин.

Кеке поднимает на него взгляд. Ее враждебность слегка утихает. Почему он добр к ней? Что-то в его тоне заставляет девушку обратить на него внимание. Он пытается ей что-то сказать?

Соларис привычным движением разворачивает свой «Тайл» к ней.

— У нас есть запись с уличной камеры, на которой миниатюрная женщина, одетая в черную кожу с помощью пульта дистанционного управления опускает на землю дрон «FloristDrone» и подкладывает туда зажигательное устройство, прежде чем позволить ему лететь дальше.

— Это была не я.

— На ней был шлем с кошачьими ушками.

— Это была не я.

— Боюсь, что вы в скверном положении.

— Ну, еще бы, — отвечает Кеке. — Кто бы ни подставил меня, он проделал великолепную работу.

— Вам будет интересно знать, что ордер уже готов. Судья Мбете только что подписал его и поставил печать. Это значит, что теперь вы официально под арестом за предумышленное убийство.

— Бред какой-то, и вы это знаете.

— Дело тут ясное. Только если вам нечего нам рассказать?

Она не может прочитать его. Словно он говорит одно, а его глаза другое. Его лицо, когда оно

не обращено к стеклянной стене, говорит ей «молчи, бл*ть».

Кеке скрещивает руки.

— Мне нечего сказать.

Лицо Солариса едва заметно меняется. Он обращается к затонированной стене.

— Зафиксируйте на записи, что обвиняемая отказывается сотрудничать.

Соларис чешет грудь и жестом показывает Кеке, чтобы она встала.

— Давайте я провожу вас в камеру.

Они идут по коридору, переполненному резким эхо и ярким

светом. Стуком жестяных кружек и вздохами. Соларис ждет, когда они дойдут до последней микрокамеры, прежде чем затолкнуть Кеке в камеру и прижать ее к стене. Кеке думает, что он решил испытать удачу, и готовится ударить его по яйцам, но он отстраняется, освобождая ее личное пространство.

— Мы знаем, что ты этого не делала.

Глава 26

Тюремный рок

Мысли Кеке лихорадочно мечутся.

— Кто это «мы»?

Соларис брал так много взяток от стольких разных фракций, что невозможно сказать, в какой момент, на какой он стороне. Он закрывает дверь камеры, которая автоматически запирается, и исчезает по коридору. Она ощущает в равной мере облегчение и растерянность, но сильнее всего горе.

Кеке садится на грязный бетонный пол и начинает плакать. Она не хочет плакать, ей нужна ясная голова, но тяжесть на душе после смерти родителей Кирстен, взрыв в клинике, авария и память о том, что случилось с Джони, вгрызаются в ее измученное сердце. Все начало рушиться так быстро. Теперь суррогатная мать и ребенок мертвы, и кто знает, сколько еще людей вместе с ними? Медсестры, врачи, чайные леди. Матушка Блейк, вероятно, тоже мертва. Кеке рыдает, уткнувшись в ладони, пока глаза не опухают, а тушь не растекается по щекам. Она делает несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться.

На третьем вдохе, в ее лифчике раздается вибрация, и тихая камера оживает музыкой. Элвис. «Hound Dog».

Тюремный рок подошел бы лучше.

Кеке быстро вытаскивает телефон из топа и ставит его на беззвучный. На телефоне сотни сообщений. От Кирстен, Джеймса, Марко. «Бампы» от Сигмы исчезли.

Кеке пролистывает список, чтобы найти анонимную наводку, с которой все началось. Это было короткое, закодированное послание, сообщающее об атаке на СурроСонастырь, и где найти Джони. Ни шока, ни эмоций, лишь факты. Кто прислал эту информацию? Стукач использовал имя «Джейн Доу», напомнившее Кеке о холодных мертвых телах на стальных столах с бирками на пальцах. Возможно, ей стоило воспринять это как предзнаменование и не лезть в эту историю. Теперь уже поздно. Кеке листает и листает, но «бамп» от Джейн Доу тоже исчез.

Телефон вибрирует в ее руках, заставляя подпрыгнуть.

ММ> Привет, я за тебя волнуюсь.
ММ> Ты в порядке?

Кеке решает ничего не рассказывать об этом Марко. Лучше оставить это в тайне. Частично потому, что она испытывает стыд за ту роль, что сыграла в смерти Джони. А частично потому, что ее журналистский нюх снова проснулся, несмотря на тот хаос, что он посеял за последние двадцать четыре часа. Ей нужна помощь Марко с расследованием дела об убийстве родителей Кирстен, и она ни за что не станет его отвлекать.

КК> Я здесь!

ММ> О, слава Сети! Я волновался, но не хотел навязываться.

КК> Последние 24 часа выдались интересными.

ММ> У меня тоже.

КК> Подожди, что? Ты что-то нашел?

ММ> Да. Нет. Объясню при встрече.

Проблеск надежды. Узел в ее животе слабеет.

КК> Я переименую тебя сейчас в ГХ.

ММ>??

КК> Гениальный Хакер.

ГХ> *краснеет*

Кеке смеется. Это облегчение смеяться, чувствовать себя нормальной. Она чувствует, как ее горе отступает, пусть всего на миг.

КК> Серьезно, мне кажется, я в тебя влюблена.

ГХ> *краснеет так сильно, что может самовоспламениться*

КК> Пожалуйста, не воспламеняйся. Ты мне нужен живой.

ГХ> Приятно знать.

КК> Я сейчас немного занята, но мы можем поговорить сегодня вечером, обсудим прогресс?

ГХ> Жду с нетерпением, м'леди.

На пол перед Кеке падает тень. Она поднимает голову, быстро пряча свой контрабандный телефон. Девушка не верит своим глазам.

— Боже правый, — говорит она. — Я думала, вы мертва.

Глава 27
Чудотворец

Матушка Блейк открывает дверь камеры Кеке.

— Мне повезло.

Старшая СурроСестра спокойна, но таким напряженным ее лицо Кеке никогда не видела.

— Иисусе, — говорит Кеке. — Такого преуменьшения я еще не слышала.

— Нет, я говорю буквально, что мне повезло, — сообщает Блейк. — Я покинула клинику на полчаса, чтобы съездить в монастырь и забрать свою счастливую желтую чашку. Чашки в клинике слишком малы, я хотела пить из своей. Я разминулась со взрывом всего на несколько минут.

— А Джони? — спрашивает Кеке, ослепнув от надежды.

Блейк сглатывает ком в горле.

— Джони так не повезло.

— Но, быть может, есть шанс? Может быть, она…

— Я только что опознавала ее тело.

Глаза Кеке щиплет, она обмахивает лицо, чтобы избавиться от новых слез.

— Мне так жаль.

Что еще она может сказать? Смерть Джони будет преследовать ее вечно.

Блейк не выглядит такой уж расстроенной убийством Джони, как ожидает Кеке. В ней есть что-то жесткое, что-то непоколебимое. И Кеке это наводит на мысль.

— Срань Господня, — говорит Кеке. — Это вы Джейн Доу.

Блейк предлагает слабую улыбку, подтверждая подозрения Кеке.

— Я не понимаю.

— И не надо, — говорит Блейк. — Все получилось именно так, как мы надеялись.

— Как вы можете так говорить?

— Когда Джони пострадала в тот день в саду… это стало каплей, переполнившей чашу. Нам пришлось принять трудное решение. Мы поняли, что должны немедленно действовать, или же атаки продолжатся.

— Джони была не первой пострадавшей?

— Нет, но теперь мы надеемся, что нападений больше не будет.

Кеке закрывает глаза и пытается понять смысл слов Блейк.

— Так это вы отправили мне сообщение?

— Отправив тебе ту наводку о нападении, мы добавили тебя в список без твоего ведома.

— Добавили меня в список?

Мысли Кеке налетают друг на друга, ей сложно мыслить

ясно.

Блейк подавляет горький смех и складывает перед собой руки.

— Ты думала, что в клинику лечения бесплодия так легко попасть? Как и в монастырь?

Смесь стыда и гнева обжигает лицо Кеке.

— Мы уведомили охрану, чтобы они прикинулись слепыми и дали тебе пройти. Мы даже оставили дверь кухни открытой.

— Зачем?

— Мы хотели, чтобы ты расследовала взрыв, но не писала статью.

— Но почему я?

— Мы видели твою работу. Твою приверженность делу. Твое незыблемое решение рассказывать правду. Ты умна и тебя терзает голод, именно это мы и искали. Плюс… у тебя есть связи, которых у нас нет.

Марко.

— Вы хотели, чтобы я хакнула «черный» ящик того дрона. Нашла виртуальные отпечатки пальцев взрывника.

— Именно.

— Вы хотели, чтобы я раскрыла участие Воскресителей в этом.

— Да. Конечно же, у нас были свои подозрения, но ваша работа подтвердила то, чего мы боялись. Нам нужны были железные улики — рычаги воздействия — и вы дали их нам. Вы проделали великолепную работу. Пока…

— Пока не опубликовала статью.

— Пока не нарушили нашу сделку.

Две женщины принялись мериться взглядами.

— Что ж, — произносит Блейк с еще одной призрачной улыбкой. — Не скажу, что удивлена.

Соларис появляется у открытой двери камеры.

— Пошлите, вы обе. Время пришло.

Кеке хмурится.

— Вы недооценили влияние «Трайб», — говорит он.

— «Трайб» не может вот так просто забирать людей из тюрьмы, — говорит Кеке. — Может, у них есть особые привилегии, но у них нет неприкосновенности перед законом. Еще даже не назначили залог.

— Никакого залога не будет. И суда тоже.

— Что?

— Вообще-то, — говорит Блейк. — Ордера тоже не было.

— Блейк разыграла арест, — сообщает Соларис. — Сфабриковала его. Она хотела, чтобы вы оказались здесь ради

вашей же защиты. Им пришлось выиграть время, чтобы Солан договорилась о прекращении огня.

— Соларис, ты хоть у кого-нибудь не берешь взяток?

Детектив ухмыляется и пожимает своими гигантскими плечами. Ему плевать. Для него это все игра.

— Что насчет улик против меня? — спрашивает Кеке.

— Улики против вас реальны. Чек, ДНК. Но так вышло, что гораздо больше улик говорят в вашу пользу. Вы же знаете о записи, на которой девушка подбрасывает бомбу в вашу посылку «FloristDrone» прямо под уличной камерой?

— Да?

— Поначалу, мы думали, что это вы. Миниатюрная, с ног до головы одетая в кожу, в шлеме с кошачьими ушками. Но она не могла ожидать, что камера на частном дроне заснимет, как она сбросила маскировку в багажник машины в двух кварталах от того места. Когда она сняла шлем, стало ясно, что это не вы.

Как Солярису удалось получить запись с частного дрона? Может быть, он коп лучше, чем она думала.

— Вы видели ее лицо?

— Нет, — отвечает Соларис.

— Тогда почему вы решили, что это не я?

— Она была белой.

Соларис снимает с Кеке наручники, и они с Блейк выводят Кеке через черный ход из участка. Солнце по-прежнему раскалено и ощущается странным на замерзшей в камере коже Кеке.

— Быстрее, — говорит Блейк, торопя Кеке, идущую по неровному тротуару, и оглядываясь по сторонам.

Знакомая СурроСестра в одеянии цвета слоновой кости стоит на страже с луком и колчаном со стрелами с белоснежным оперением. Это психованная греческая богиня, с которой они встретились на днях. Когда Кеке колеблется, вспомнив, как в ее спину вонзилась электрическая стрела, Блейк подталкивает ее вперед.

— Не бойся, — тихо произносит она. — Она здесь, чтобы защитить нас.

Драконья чешуя жестом показывает в сторону фургона, стоящего неподалеку. Двери открываются, являя виду лишь темный салон. Кеке залезает в фургон, испытав облегчение от избавления от солнца, Блейк садится в фургон следом за ней. Но когда глаза Кеке привыкают к полумраку, она ахает от шока, заметив мужчину в капюшоне напротив нее. На нем надета блестящая пластиковая маска с изображением Иисуса Христа.

Она хочет сбежать, но двери автоматически заперлись. Девушка пытается открыть их, но они не поддаются. Кеке

напугана, но сжимает кулаки, готовясь драться.

— Что вы сделали? — спрашивает она Блейк, ее голос стал хриплым от тревоги.

Лицо Блейк подобно застывшей маске.

— Не обвиняйте матушку Блейк, — произносит мужчина в маске. — Это я вас вызвал.

Кеке ощетинивается, услышав его выбор слов. Никто ее не вызывал. Она игнорирует его и хватает Блейк за руку, глубоко погружая ногти в плоть женщины.

— Вы работаете на Воскресителей?

Блейк качает головой, а затем бросает на мужчину настороженный взгляд.

— Нет. Никогда.

— Мы с Солан пришли к соглашению, — говорит мужчина, — и вам придется стать его частью.

Кеке чувствует, как под рубашкой выступает новый пот, в салоне ощущается запах ее страха.

В глазах Блейк сталь.

— Это единственный путь.

Кеке качает головой.

«Ни за что, Хосе».

— Я знаю, что вы настроены враждебно, — говорит Блейк, — но еще уверена, что вы поступите правильно.

— Это вы мне скажете, что правильно? После того, как отдали меня убийце? Да пошла ты.

У Кеке кружится голова. На нее нахлынуло странное чувство, нахождение запертой в машине казалось ей нахождением в какой-то сжатой альтернативной Вселенной, из которой она должна либо сбежать, либо умереть.

— Я никому вас не отдавала, — отвечает Блейк. — Солан организовала эту встречу. Она и Воскресители пришли к соглашению, по которому больше никто не пострадает. Теперь мы должны поступить также.

— Прийти к соглашению с кучкой религиозных нацистов? Ни за что. Вы напали не на ту.

Что, если она пнет Иисуса по яйцам и ударит Блейк кулаком? Сможет ли она тогда сбежать? Или она может схватить медную булавку Блейк и использовать ее как оружие. Глазной перфоратор. Но затем она вспоминает о СурроСтражнице снаружи и Драконьей чешуе, и недовольно сжимает челюсти. Они ее не отпустят.

Должен быть способ.

— Наше понимание просто, — говорит мужчина, — и гарантирует, что мы получим то, чего хотим.

— С трудом верится.

Он складывает домиком свои ухоженные пальцы.

— Скажите мне, мисс Мсиби. О чем вы сегодня мечтаете?

Мечта Кеке оставалась незыблемой еще с тех пор, как она неофициально стала журналистом в шестнадцать. Мечтала писать самые крутые в стране разоблачения. Но сегодня, другая мечта превалирует над первой.

— То чего я хочу, вы мне дать не можете. Только если вы не умеете творить чудеса.

Он слегка наклоняет голову.

— Вы мечтаете вернуться назад во времени и спасти Джони и жизнь малыша.

— Да.

Вина, словно кислота, разъедает ее тело.

Блейк кивает.

— Хорошо, — говорит она. — Хорошо.

— Что вы скажете, если я смогу это осуществить?

Кеке коротко, невесело смеется.

— Так вы теперь стали гением? Или путешественником во времени?

— Не совсем, — отвечает мужчина в маске, поднимая руки и играя пальцами так, словно на нем надеты волшебные перчатки. — Но я чудотворец.

— Вам никто не говорил, что вы страдаете ужаснейшим комплексом Бога?

— Все просто. Сейчас мы заключаем соглашение, и Джони с ребенком получают жизнь.

Кеке резко разворачивается к Блейк.

— Вы сказали мне, что Джони умерла!

— Нет, не говорила, — отвечает Блейк.

— Вы сказали, что опознавали тело!

— Я сказала то, что должна была, чтобы вы поняли, что на кону.

— Где она?

Блейк дышит глубоко, осторожно, словно пытается успокоиться и не дать швам разойтись. Кеке видит, что ее глаза превратились в сталь не из-за гнева или зла, а из-за страха.

— Она у Воскресителей, — отвечает Блейк, глядя на мужчину в маске. — Они забрали ее из клиники за несколько минут до того, как взорвался дрон.

— О, слава Сети, — говорит Кеке, приложив ладонь к сердцу. — Она жива.

Она испытывает облегчение.

— Жива, но по-прежнему в великой опасности, — говорит

Блейк. — Они убьют ее, если мы не заключим это соглашение. И дело не только в Джони. Воскресители мастера похищений.

Мужчина напрягается.

— Что это значит, что они мастера похищений? — спрашивает Кеке. — Они уже похищали суррогатных матерей?

Блейк почти едва заметно кивает.

— О, боже мой.

Кеке вдруг кое-что осознает.

— Сигма означает восемнадцать. Джони восемнадцатая суррогатная мать…

Блейк медленно хлопает ресницами, словно говоря да.

Ее глаза говорят: поэтому нам пришлось действовать. Поэтому мы сидим в этой машине, дыша одним воздухом с потенциальным убийцей.

— Почему люди об этом не знают? Как вам удается держать это в тайне?

— «СурроТрайб» знает, какими будут последствия, если пресса об этом узнает.

Блейк ведет себя спокойно, но то, как она покусывает губы, выдает ее тревогу.

— Зачем вы похищаете суррогатных матерей? — сердито спрашивает Кеке. — Что вы с ними делаете?

Но Кеке уже знает. Она слышала слухи о том, что суррогатных матерей продают на черном рынке. Женщин с записями об употреблении наркотиков или занятиях проституцией, с прошлым, которое недостаточно чисто, чтобы носить белые одеяния и медные булавки. Женщин, которых держат рабынями за их плодородные матки, которых заставляют рожать раз за разом, пока здоровье их окончательно не покинет.

Продажа суррогатных матерей — отличный способ для Воскресителей выразить их неуважение к сестрам без причинения им вреда напрямую. Только в прошлом месяце она слышала шепоток в чате, что проект «Генезис» покупает суррогатных матерей на черном рынке для их секретных подземных лабораторий. Кеке не поверила в этот слух. Все знают, что проект «Генезис» лишь городская легенда.

— Докажите, что Джони жива, — требует Кеке.

Заднее стекло отъезжает вниз, открывая виду Джони, лежащую без сознания на заднем сидении. Ее больничный халат испачкан засохшей кровью, ногти тоже черны от крови.

— Нам пришлось усыпить ее, — говорит мужчина. — Она боролась.

Стекло поднимается обратно.

— Чего вы от меня хотите?

У Кеке нет рычагов воздействия. Они все знают, что она сделает, что угодно, чтобы спасти Джони. Она полностью на их милости.

— Нам лишь нужно, что вы об этом молчали. Молчали обо всем.

— Обо всем?

— Обо всем, что вы знаете о СурроСестрах.

— Зачем? Какое вам дело? Вы просто продолжите терроризировать их, так? Кто-нибудь, в конце концов, обратится к прессе.

Блейк отвечает вместо него.

— Солан с Воскресителями договорились о перемирии. Воскресители больше не будут нападать на «Трайб». В ответ, мы не станем выдвигать обвинений и избавимся от инкриминирующих улик, которые вы для нас раскопали. Если все мы выполним свои части сделки, «Трайб» будет в безопасности, а Воскресителей не привлекут к ответственности.

— Вы просто позволите им выйти сухими из воды? Что насчет правосудия? За то, что они уже сделали? Что насчет других семнадцати женщин?

— Лишь один Бог может вершить истинное правосудие, — отвечает мужчина, и Кеке хочется врезать ему по лицу.

Блейк отмахивается от его слов.

— Некоторые вещи важнее справедливости. Не существует только черного и белого, Кеке. Тут замешано столько всего, о чем вы не знаете. Это крайне деликатный вопрос.

— Я не дура, — отвечает Кеке. — Уверена, что смогу понять.

— В конце концов, — примирительно отвечает Блейк. — Вы узнаете, я обещаю, но не сегодня. Время не подходящее. Вам лишь нужно знать, что Солан опустила перчатку. Если с одной из сторон последует неверное действие, между нами начнется война.

Кеке от недовольства пинает сидение напротив.

— Вы совершаете ошибку, — говорит она Блейк. — Доверившись им. Позволив им выйти сухими из воды. Из этой сделки не выйдет ничего хорошего.

Блейк кивает головой на задние сидения. Что тут поделаешь, это единственный способ, говорят ее глаза, если они хотят спасти Джони.

Мужчина в пластиковой маске заговаривает снова.

— С вашей стороны ожидается лишь молчать. Никаких больше статей, никаких больше расследований. Ни малейшего слова вашим близким.

— У них есть все ваши контакты из телефона, — сообщает Блейк, в ее глазах блеск. — Если вы нарушите слово, они не

пощадят вас так, как я.

Инстинктом Кеке всегда было разоблачать, писать и публиковать.

— Вам придется сделать вид, что этого никогда не было, или же последствия будут…

— Что насчет «Эко»? — спрашивает Кеке. — Моя статья уже у них.

— Мы позаботились об «Эко», — отвечает мужчина, и Кеке ощущает холодок. — У меня там есть друг. Так мы узнали, что вы отдали статью издателю. Мой друг может быть очень убедительным, когда надо.

Кеке вспоминает всех журналистов и редакторов в «Эко» и пытается понять, кто может быть двойным агентом.

— Вашу статью никогда не опубликуют, — говорит он. — И если вы хотите, чтобы Джони жила, так и останется.

Кеке сжимает руки в кулаки.

— Это наш последний шанс, — Блейк впивается в Кеке взглядом. — Вы должны поступить правильно.

Заключение сделки с дьяволом для них правильно?

Но есть ли у нее выбор?

Кеке опускает взгляд на свои кулаки и заставляет себя разжать их. Ее кожа выглядит серой.

— Ладно, — отвечает она. — У вас мое слово.

Эпилог

Пустой карман

— Мне кажется, я немного влюблена в тебя, — говорит Кеке.

Она перекатывается на спину и потягивается.

— Ты это уже говорила, — отвечает Марко.

— И никогда не устану повторять.

Марко смеется и делает глоток воды.

— Я не могу поверить, что ты здесь, со мной. Это холостяцкое логово уже никогда не будет прежним.

Тело Кеке все еще гудит после сильных оргазмов.

— Где ты этому научился?

— Чему?

— Той… штуке. С языком. И твоим…

Марко краснеет.

— Не знаю. Я провел исследование.

— Ты хакнул женский оргазм, ты это знаешь? Ты самый крутой хакер-гений, и я никогда тебя не отпущу.

— Подожди, пока не встретишься с моей мамой. Тут же убежишь.

Кеке смеется.

— Я не верю, что она так плоха.

— Она не плохая. Она чудесная. Но невыносима. Я удивлен, что она не пришла сюда десять минут назад и не спросила, не хочешь ли ты манго ласси.

Кеке снова смеется.

— Это было бы неловко.

Ощущается приятным оставить тяжелые несколько дней позади и просто наслаждаться моментом.

— Тебе стоит запатентовать эту технику. Я чувствую себя так, будто неделю трахалась в «Клаб Мед».

Глаза Марко сияют.

— Прекрати.

Кеке перекатывается поближе к нему и глубоко вздыхает. Вдыхает запах его кожи и нежно целует его в губы.

— Не прекращу.

Марко проводит пальцами по ее ребрам.

— Откуда эти синяки?

Синяки еще свежи.

— И почему ты была так расстроена, когда приехала?

— Ерунда, — отвечает Кеке. — Ты не захочешь знать.

— Я хочу. Я хочу знать. Я хочу знать о тебе все.

— Не это.

— Это имеет отношение к тем данным, с которыми ты просила меня помочь? С данными с дрона?

Кеке ведет себя спокойно, пытается скрыть проблеск страха, который испытывает.

— Я ошиблась, — отвечает она обыденным тоном. — Я бросила то расследование.

— Но…

Кеке целует его снова, долго и глубоко.

— Забудь об этом, хорошо?

Джони с ребенком здоровы и в безопасности, вернулись в монастырь. Кеке не станет болтать и подвергать их риску.

— Ладно, — говорит она. Она чувствует, что Марко не хочет бросать эту тему, но делает так, как она просит. — Что насчет другого? Полицейского файла об убийстве родителей твоей подруги? Блин, это жестоко. Я хочу сказать…

Кеке садится, затуманенный взгляд после секса исчезает.

— Ты что-то нашел?

— О, да.

Кеке хлопает его по плечу.

— Почему ты мне раньше не сказал?

— Ты не спрашивала! Плюс, ты только начала раздеваться и я был просто, как…

— Ладно, я тебя поняла.

Марко краснеет.

— Я никогда не приводил сюда женщину. Не говоря уже о такой, как ты.

— Боже мой, мужчина, перестань тратить время на комплименты! Выкладывай! — у Кеке ускоряется пульс. — Что ты нашел?

Марко надевает свои очки в черной оправе, приподнимает их повыше на переносице и берет «Тайл» со стола.

— Даже не знаю, как тебе сказать.

— Я внимательно слушаю.

— Ладно. Итак. Согласно моим источникам… нет, не так. По данным каждой государственной и частной корпорации, хранящей данные, твоя подруга…

— Кирстен, — говорит Кеке. — Кирстен Ловелл.

Марко замолкает. В его глазах появляется напряжение.

— Кирстен Ловелл… не существует.

***

Бетти стоит под серебряной березой. Это молодое дерево, недавно посаженное, но отбрасывает достаточно тени, чтобы укрыть ее от маниакального солнца, а неоднородная кора представляет большой интерес для ее бигля. Это ее первый визит в «Городской лист». Обычно она избегает ботанические сады и парки, несмотря на свою профессию — или, как она постоянно напоминает себе, ее бывшую профессию.

Слишком много незнакомцев, слишком большое открытое пространство. Она чувствует себя здесь уязвимой. Как крыса с содранной кожей. Птенец, выброшенный из гнезда штормом. Улитка, вырванная из панциря. Как другие люди справляются с этим чувством, гадает она, пока они проходят мимо нее в спортивной одежде и дизайнерских масках от супербактерии, подходящие под бутылки с водой. Как они не ощущают непрекращающееся нарастающее давление в атмосфере, грозящее придавить Бетти к земле?

Бигль разнюхал достаточно из истории дерева и теперь тянет за поводок, чуть ли не душа себя и пытаясь перейти к следующему объекту исследования. Бетти крепко наматывает кожаный поводок вокруг своей костлявой руки.

— Подожди, — полушепчет, полуотчитывает она собаку, не желая покидать укрытие под деревом или терять вид. Она наблюдает за Кирстен, сидящей на парящей скамейке в детской зоне. Детская площадка яркая и новая, на ней нет ни одного ребенка. Кирстен не пошевелилась за двадцать минут, выражение

ее лица пусто. Эта картина пугает Бетти, но она не может перестать смотреть.

Кирстен/Кейт получила отправленное ей письмо? Если нет, то, конечно же, получила то, что Бетти подсунула ей под дверь?

Собака скулит, оплакивая кладезь упущенных возможностей практически в зоне досягаемости. Этот звук наполняет Бетти чувством вины. Она такая хорошая девочка, не особо похожа на сторожевую собаку, но невероятно верная. Бетти нагибается, чтобы погладить собаку по голове, а затем засовывает руку в карман, чтобы достать угощение в виде косточки, но ничего не находит.

Пустой карман.

От разочарования, Бетти вздыхает и закрывает глаза. Кирстен не получала никаких писем и ключей. Если бы получила, она бы не сидела вот так на открытом пространстве в парке, делая из себя удобную мишень.

Если бы она получила один из конвертов, отправилась бы прямиком в Хранилище Судного дня, но Бетти знает, что она туда не ходила.

Кирстен не получала предупреждений, и больше нет времени отправлять новые. Бетти придется подойти к ней напрямую. Она этого не хочет. От этой мысли Бетти покрывается потом. Бетти вытирает пот над верхней губой согнутым пальцем, который пахнет теплой кожей и собачьей шерстью.

Листья над ее головой колышутся от ветра, ветви березы шепчут. Бетти игнорирует голоса. Ей нужно сосредоточиться. Ей нужно сохранять ум ясным.

Путь вперед очевиден: Бетти придется заставить себя это сделать.

Бигль напрягается и высоко и протяжно скулит. Бетти открывает глаза. Кирстен исчезла.

Продолжение следует…